

Фредерик Марриет

Иафет в поисках отца

Фредерик Марриет
Иафет в поисках отца

«Public Domain»

1836

Марриет Ф.

Иафет в поисках отца / Ф. Марриет — «Public Domain», 1836

«Кто удостоит эти листки чтением, не будет задержан долгим предварительным описанием моего рождения, родни и воспитания. Самое заглавие книги свидетельствует о том, что по первым двум пунктам я ничего и не мог знать. Но в интересах повествования необходимо остаться в этом счастливом состоянии, счастливом потому, что при чтении рассказа, как и в продолжение нашей жизни, неизвестность будущего можно считать действительно за величайшее счастье. Все, что было обо мне известно, хотя и очень мало, я расскажу с возможной точностью и обстоятельностью...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	18
Глава VI	22
Глава VII	25
Глава VIII	28
Глава IX	31
Глава X	35
Глава XI	38
Глава XII	42
Глава XIII	45
Глава XIV	48
Глава XV	50
Глава XVI	54
Глава XVII	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Фредерик Марриет

Иафет в поисках отца

Глава I

Кто удостоит эти листки чтением, не будет задержан долгим предварительным описанием моего рождения, родни и воспитания. Самое заглавие книги свидетельствует о том, что по первым двум пунктам я ничего и не мог знать.

Но в интересах повествования необходимо остаться в этом счастливом состоянии, счастливом потому, что при чтении рассказа, как и в продолжение нашей жизни, неизвестность будущего можно считать действительно за величайшее счастье. Все, что было обо мне известно, хотя и очень мало, я расскажу с возможной точностью и обстоятельностью.

Это было в... но я совершенно позабыл время. Чтобы навести справку, я принужден буду встать со стула, отыскать ключи, отпереть кабинет и перерыть кучу бумаг в сундуке. Таким образом, надолго задержу вас. Следовательно, достаточно будет сказать, что это было ночью; а описываемая ночь была ли темная, или лунная, дождливая или пасмурная, право не припомню, да, впрочем, оно и не так важно. Итак, я явился ночью... часу в... и вот опять остановка. Тогда могло быть часов десять, одиннадцать или полночь. Могло быть также и за полночь и близко уже к утру. Я ничего не могу тут утверждать, читатель должен извинить ребенка... Но тут новая запятая... Какого возраста? Ну, предположим, что мне было тогда несколько дней. Закутанный во фланель и сунутый в корзину, покоясь в сладком сне, я не замечал состояния погоды и времени дня по церковным часам; притом я никогда не считал времени важным делом в рассказах, да и слишком поздно это вспоминать в надлежащем порядке, когда все давно забыто; почему я и принужден рассказать мою историю со многими пропусками, надеясь на снисхождение читателей. Вот она. Ночью... состояние погоды было... я, ребенок неизвестного возраста, был привешен кем-то к ручке колокольчика у ворот воспитательного дома, и тот, кто принес меня, необыкновенно громко позвонил. Старый привратник вскочил с поспешностью и второпях так сильно ударил рукою по носу свою дорогую половину, что ушиб произвел кровотечение, а потом ужасные ругательства.

Вся тревога произошла из-за упомянутого звонка, но виновник, или виновники, шума давно уже исчезли, прежде чем старый привратник смог одеться и удовлетворить неучтивому требованию.

Наконец старик отворил ворота и наткнулся носом на висевшую корзину. Почтенный человек, отыскав ножик, вывел меня из затруднительного положения. В самом деле, это был жестокий поступок, заставить ребенка висеть некоторое время в таком ужасном положении. Он снес меня в свой дом, засветил свечу, открыл корзину, и вот состоялось мое чудесное появление в свет.

Когда он открыл корзину, я открыл глаза, хотя этого, впрочем, и не заметил; старуха его тогда стояла в самой легкой спальной одежде и, свесив нос над тазом с водой, обмывала эту часть лица.

– Посмотри-ка, жена, какой прелестный ребенок, что за глаза, черные, как смоль! – произнес старик.

– Черные глаза? – проворчала старуха с негодованием, обмывая нос. – Завтра будут и у меня черные глаза...

– Бедненький, как он озяб, – пробормотал старый привратник.

– Наверно и я простужусь и получу насморк, – прохрипела его супруга.

– Но, Боже мой, вот и бумага! – вскрикнул старик.

- Ну да, мне нужно хлопчатой бумаги и уксусу, – простонала жена привратника.
- Адресованная смотрителю, – сказал привратник.
- Адресуйся к аптекарю, – говорила тем же голосом жена его.
- И запечатано, – сказал он.
- Попроси, чтоб вылечил, – продолжала старуха.
- На нем хорошее белье... Это дитя, верно, не бедных людей.
- Мой бедный нос! – вскрикнула старуха.

– Надо снести его к кормилице, а письмо отдать смотрителю уже или завтра. – И с этими словами ой отправился, неся вашего покорного слугу в корзине.

– Теперь лучше! – сказала его страждущая супруга, утирая нос полотенцем и возвращаясь к своей постели, куда вскоре явился и супруг ее. Они спокойно улеглись и таким образом продолжали прерванный сон без дальнейших приключений.

На следующее утро я был отнесен к смотрителю вместе с письмом, которое он распечатал и прочел. Оно было написано лаконично и заключалось в следующих словах:

«Дитя это законнорожденное; имя его Иафет. Когда обстоятельства позволят, он будет взят обратно».

При записке еще была бумага, которая стоила первой, – банковский билет в пятьдесят фунтов стерлингов.

Так как люди, которые вешают корзины с детьми, никогда не кладут денег или забывают их класть, мое появление произвело большой шум, который я и сам много увеличивал, пока мой голод не утолила молодая кормилица, питавшая двух или трех детей разом.

У нас в Англии во всех местах королевства есть подготовительные училища для мальчиков от трех до семи лет. Но важнейшее место занимает воспитательный дом, в который принимают детей не только нескольких дней, но даже нескольких часов, если родители боятся держать их у себя. Воспитание их начинается тем, что их приучают есть кисель вместо молока, потом учат ходить, потом заставляют сидеть, наконец, говорить, и коль скоро заговорят, учат держать язык за зубами. Таким образом их постепенно и воспитывают, переводя из одного отделения в другое, пока совершенно не выведут за ворота воспитательного дома. Получив кой-какое воспитание, они вступают в свет, не имея ни родителей, которые пеклись бы о них, ни родственников, которым могли бы докучать своими просьбами. Так случилось и со мной. Несмотря на обещание письма – вероятно, обстоятельства не позволяли его исполнить, – я до четырнадцати лет оставался в богадельном, или воспитательном, доме, где был счастливее других обитателей-воспитанников. Пятьдесят фунтов стерлингов, посланные со мной, не были назначены в капитал заведения, но употреблены в мою пользу смотрителями, которые были довольны моим поведением и имели хорошее мнение о моих способностях.

Вместо того, чтобы ограничить мое учение ремеслом сапожника, портного, или каким-нибудь другим, тому подобным, меня поручили аптекарю и отдали ему деньги, оставленные со мною еще со времени нахождения моего в корзине. Он, то есть аптекарь, взялся выучить сироту, как должно.

Но теперь, почтенный читатель, когда я вышел из воспитательного дома, мы не так скоро пойдем вперед.

Аптекарь, взявший меня для обучения, назывался мистер Финеас Кофагус; дом его был выстроен как будто бы нарочно для коммерческих дел. Одна сторона его, загроможденная лавками и лавочниками, выходила на Смитфилльд-Маркет, а другая, представлявшая собой стеклянную поверхность, – на главную улицу, ведущую в рынок. Нужно заметить, что дом был угольный, но не на углу; с обеих сторон к нему были прилеплены кабаки, к кабакам две пивные лавки, а к последним две харчевни. Все портики Кофагуса были посещаемы преимущественно мясниками, гуртовщиками и фермерами.

Если это общество напивалось до драки, то никто так искусно не перевязывал головы, как Кофагус. Если мясник наедался до апоплексического удара, то сейчас являлся ланцет Кофагуса. Если быку вздумалось прободать человека, то Кофагус являлся с примочкой и корпией. Если осел пугал женщину, то ее отводили в заднюю комнату Кофагуса, где она приходила в память. Когда лошади лягали людей, то и это способствовало его доходам. Торговые дни вообще доставляли большой доход моему хозяину. Люди и звери целиком и по частям, словом, одушевленное и неодушевленное, все платило должную дань Кофагусу, ради которой он не пропускал ни одного страждущего. Окна его дома были уставлены зелеными, желтыми и синими бутылками, и на одном из них стояла серая лошадь, а на другом ворона. Все это украшение служило вывеской для извозчиков, давая им знать, что здесь есть и лошадиные лекарства. Впрочем, у нас действительно были все медицинские снадобья, даже известный повсюду и употребляемый от всех болезней эликсир господина Энони. Я очень удивлялся при первоначальном моем аптекарском занятии, почему приготавливаем мы столько других лекарств, когда имеем одно, которое в состоянии заменить все остальные. Лавка наша была очень просторна, и в задней части ее стояла огромная железная ступка с пестом. Первый этаж дома был занят господином Кофагусом, половина второго отдавалась внаем, а остальные комнаты принадлежали людям, прислуживающим в аптеке.

Я начал мое описание с такого низкого предмета, как лавка, для того, чтобы возвысить моего наставника в мнении читателя, когда я буду описывать его особу и личные достоинства.

Мистеру Кофагусу было около сорока пяти лет, когда я в первый раз был представлен ему в приемном зале воспитательного дома. Он был среднего роста, имел сухощавое лицо, крючковатый нос, маленькие веселые глаза и огромный рот, оттянутый в одном углу книзу. Толстое туловище его имело в середине весьма значительное возвышение, которое он любил поглаживать с большим снисхождением. Несмотря на достоинство верхней половины тела, ноги представляли собой две тонкие спички, так что Кофагус походил на известную птицу из породы цапель.

Одежда его состояла всегда из светло-фиолетового сюртука и такого же цвета жилетки, белого галстука и, высокого воротника рубашки, в который он мог скрыть свою физиономию; в правой руке он носил всегда толстую черную трость с золотым набалдашником, точно так, как представляют в карикатурах доктора на консилиумах, но разговор и манеры его были еще страннее фигуры: когда он начинал говорить, то всякий почел бы это за шум от полета какой-нибудь стаи птиц. Сверх того, он имел привычку примешивать всюду «гм», что составляло промежуток в его мысли, которую он всегда оканчивал любимыми словами «и так далее».

После разговора он отходил обыкновенно в другую часть комнаты, в угол или к печке, приложив трость к носу и нагнув голову на сторону с самодовольным выражением.

Когда я был представлен ему, он говорил с двумя зрителями.

– Вот мальчик, – сказал один из них, – его зовут Иафет.

– Иафет! – сказал Кофагус. – Гм... по писанию Сим, Хам... гм... и так далее. Этот мальчик читает?

– Очень хорошо и так же хорошо пишет. Рекомендую его вам как милого ребенка, Кофагус.

– Читает, пишет, разбирает по складам... гм! Внедрим в него начала аптекарского искусства... писать сигнатуры... гм... потом будет человеком, доктором медицины... и так далее, – говорил Кофагус, ходя вокруг меня и вращая тростью перед моим носом и по временам рассматривая мою физиономию наблюдательным оком.

После этого осмотра я был отпущен, а на следующий день одет с ног до головы в новое платье и приведен привратником в лавку Кофагуса, которого, впрочем, не было, когда я к нему явился.

Глава II

За конторкой стоял высокий краснолицый молодой человек, но казалось, что румянец этот был в нем признаком чахотки. Он делал пакеты по рецептам, а возле него стоял чумазый мальчуган с ящиком для доставки всех лекарств по адресам. Молодой человек, стоявший за конторкой, был помощник Брукс, которому оставалось еще учиться полтора года. По прошествии этого срока друзья его хотели самого его сделать хозяином, и это заставило Кофагуса взять меня, выучить и сделать помощником, когда выйдет Брукс. Этот молодой человек был очень тих, любезен и снисходителен ко мне и мальчику-разносчику. Последний служил Кофагусу из-за одного насущного хлеба. Привратник, рассказав Бруксу, кто я, оставил меня с ним одного.

– Хотите ли вы быть аптекарем? – спросил меня Брукс с приветливой улыбкой.

– Я не вижу причин, почему бы мне не хотелось этого, – ответил я.

– Погодите немного, – сказал мальчик, который стоял с ящиком, – вы еще не испытали *начал*.

– Молчи, Тимофей! – вскрикнул Брукс. – Это очень понятно, что тебе *начала*, как называет Кофагус, не нравятся. Теперь отправляйся скорее с лекарством вот по этим адресам, понимаешь ли?

– Еще бы не понять, я ведь читаю почти все ваши латинские надписи и думаю сам начать торговать на днях.

– А я думаю тебя вздуть, если ты в другой раз так долго будешь зевать на вывешенные картинки.

– Этим-то я всему и научаюсь, – ответил, смеясь, Тимофей, выходя со своими посылками. Только Тимофей вышел, вошел Кофагус.

– Эге, это Иафет, вижу, – сказал он, подымая свою трость. – Ничего дурного не делать... работать... гм. Мистер Брукс, выучите этого мальчика всем *началам*... и так далее.

Тут Кофагус отнял трость от носа, показал на железную ступку и потом ушел в заднюю комнату. Хотя я ничего не мог заключить из этого, но господин Брукс сейчас же понял, в чем дело. Он вытер ступку, положил туда *чего-то*, показал, как толочь, и предоставил мне эту работу. Через полчаса я понял, почему Тимофей имел такое отвращение к так называемым Кофагусом *началам* его искусства. Работа эта была ужасна, пот лил с меня градом, я почти не мог поднять рук. Кофагус проходил мимо и, видя, как я ворочал тяжелой железной ступкой, говорил мне:

– Хорошо, будущий доктор медицины и так далее. Мне стало ясно, что это слишком трудная дорога к известности, и я остановился перевести дух.

– Иафет, что ли? Гм. Фамилия? И так далее.

– Мистер Кофагус желает знать вашу фамилию, – перевел мне Брукс.

Я забыл сказать читателям, что детям в воспитательном доме дают сверх имени фамилию, и по записке, которую нашли в корзине, я получил фамилию подписавшейся особы.

– Фамилия моя Ньюланд, – ответил я.

– Ньюланд, гм! Славная фамилия, все полюбят ее непременно... гм, и так далее, – говорил Кофагус, уходя из лавки.

Я опять принялся за свое обучение. В это время Тимофей возвратился с пустым ящиком и засмеялся, увидев меня за работой.

– Нравятся ли вам *начала*... гм, и так далее, – сказал Тимофей, передразнивая Кофагуса.

– Не слишком трудные, – ответил я, отирая пот.

– Это было мое занятие до вашего прибытия, и я в продолжение года не выбрался еще из этих *начал* и думаю, что при них останусь.

Брукс заметил, что я устал, и велел мне оставить работу, чем я был очень обрадован и, повинаясь его приказанию, сел в углу лавки.

– Кажется, я окончил свою работу ante prandium (до обеда), – сказал Тимофей, кладя корзину под конторку.

– Нет, Тимофей, – ответил Брукс, – тебе еще надобно сходить post prandium (после обеда), только убрав прочь post.

Когда обед был готов, Кофагус и Брукс пошли в заднюю комнату, оставив меня с Тимофеем, чтобы дать знать, если придут покупатели.

Теперь удобный случай познакомить читателя с Тимофеем, потому что он будет играть важную роль в рассказе. Тимофей был мал ростом для своих лет, но прекрасного телосложения; у него было овальное лицо темного цвета, серые глаза, которые сверкали из-под длинных ресниц и притом так были косы, что встречались; он был ряб, но только вблизи рябинки его были заметны. Физиономия его всегда выражала веселость; он имел такое плутовское личико, что с первого взгляда нравился всякому, и я подружился с ним сейчас же.

– Откуда, Иафет, вы к нам попали?

– Из воспитательного дома, – ответил я.

– Вы не имеете ни друзей, ни родных?

– Если и имею, то по крайней мере не знаю, где они, – ответил я очень серьезно.

– Ну, не задумывайтесь об этом. Говорят, что я тоже воспитанник сиротского дома, но я не обижаюсь, только бы поскорее позвали обедать. Отец или мать, кто бы они ни были, бросили меня на произвол судьбы, да не унесли с собой моего аппетита. Я удивляюсь, как хозяин так долго изволит кушать, а Брукс ест менее птицы. Как ваша фамилия, Иафет?

– Ньюланд.

– Ньюланд... А моя, если угодно знать, Олдмиксон, к вашим услугам. Мне досталось это имя в наследство от насоса, находящегося в сиротском доме, на котором было написано «Тимофей Олдмиксон», и смотритель почел, что это название не хуже других; таким образом меня и окрестили, по имени мастера насоса, водою того же насоса, а когда я приобрел достаточную силу, то меня заставляли накачивать воду из того же насоса. Этим насосом я был занят в продолжение целого дня и называл свое занятие «работой при моем отце». Немногие сыновья беспокоили столько своих родителей, как я, и немногие так их ненавидели. Теперь, Иафет, я из вас высасываю все, что могу, по старой привычке.

– Следовательно, вы скоро высосете из меня все, потому что недолго рассказывать вам мою историю, – ответил я. – Но опишите, пожалуйста, что за человек наш хозяин?

– Он точно таков всегда, как вы его теперь видели, а когда он в дурном расположении, то еще смешнее. Мне он очень часто грозит, но никогда не наказывает, хотя Брукс и жаловался ему на меня несколько раз.

– Но Брукс, кажется, не зол?

– Да, он предобрый, но часто посылает меня слишком далеко. Брукс говорит, что люди могут умереть от недостатка лекарств, и причиной буду я, потому что оставляю часто мой ящик для шалостей. Это правда, но я не могу удержаться, чтобы не бросить свайку в кольцо; да, впрочем, за это получаю только удар, что ничего не значит. Когда же узнает об этом Кофагус, то мотает беспрестанно своей палкой под моим носом и твердит: «Дурной мальчик... толстая палка... гм... не позабудешь в другой раз... и так далее». И последние слова, – продолжал Тимофей смеясь, – заканчивают всегда и все, что бы он ни говорил.

В это время Кофагус и его помощник, окончив свой обед, вошли в лавку. Первый посмотрел на меня и приложил палку к носу.

– Маленькие мальчики всегда голодны... гм... любят хороший обед, жаренную говядину, пудинг... и так далее.

Он показал палкой на заднюю комнату. Тимофей и я на этот раз поняли его очень хорошо. Мы вошли в комнату, где была экономка, которая села вместе с нами и помогла нам закончить кушанье. Она была пресвоенравное маленькое женское существо, но так же точно честна, как и своенравна. Вот все, что я могу сказать в ее пользу. Тимофей не был ее любимцем, потому что ел порядком. Обо мне тоже она, кажется, не получила хорошего мнения по той же причине. С каждым глотком падала моя репутация в ее глазах и, наконец, опустилась до нуля. Тимофей пользовался подобной славой с давних времен, и за то же преступление. Но Кофагус не позволял ей ограничивать его на этот счет, говоря: «Маленькие мальчики должны есть или, в противном случае, не вырастут, и так далее».

Я скоро нашел, что нас не только хорошо кормили, но с нами хорошо даже обходились. Я был почти доволен своей судьбой; Брукс выучил меня делать надписи и все увязывать. Вскоре я достиг совершенства в этом, и, как Тимофей предсказывал, *начала* были опять в его руках. Кофагус одевал нас хорошо, но никогда не давал денег, и мы с Тимофеем часто оплакивали нашу участь, не имея за душой ни полушки.

Через шесть месяцев я составлял уже все лекарства, и Брукс мог отлучиться по делам. Он только отвешивал по рецептам, и потому, если кто-нибудь приходил, я просил ждать возвращения Брукса, говоря, что он скоро придет. Однажды, когда он вышел, я сидел за конторкой, а Тимофей уместился на ней с ногами, и мы оба жалели о том, что нет денег.

– Иафет, – сказал Тимофей, – я все выдумывал средство доставать деньги и наконец достиг своей цели; мы не будем отсылать приходящих в отсутствие Брукса, а сами будем лечить их.

Я вскочил от радости, услышав это предложение. Он не успел еще окончить его, как вошла какая-то старуха и сказала, что для ее внука нужно лекарство от кашля.

– Я не составляю лекарств, сударыня, – ответил Тимофей, – обратитесь к мистеру Ньюланду, который сидит за конторкой. Он знает, что нужно от всякой болезни.

– Боже мой, какое хорошенькое личико, и как еще молод! Разве вы доктор, сударь?

– Разумеется, – ответил я, – что вам нужно, микстуры или пилюль?

– Я не понимаю этих мудреных слов, но мне хотелось бы какого-нибудь лекарства.

– Хорошо, я знаю, что вашему внуку будет полезно, – ответил я, приняв значительный вид. – Тимофей, вымой эту склянку как можно чище.

– Сейчас, – ответил он с почтением.

Я взял мерку, налил немного зеленой, синей и белой жидкости из обыкновенно употребляемых Бруксом бутылок, дополнил ее водой, налил смесь в склянку, закупорил и надписал: «*Haustus statim, sumendus*» и передал через конторку женщине.

– Должен ли ребенок принимать это внутрь, или только натирать ему горло? – спросила старуха.

– Употребление написано на билете; но вы, может быть, не понимаете по-латыни?

– О нет, батюшка, нет... А ты понимаешь по-латыни? Что за милый, умный мальчик.

– Я не был бы хорошим доктором, если бы не знал этого.

Тут я подумал, что вернее употребить лекарство как наружное средство, и я перевел ей надпись следующим образом: *haustus* – втирать, *statim* – в горло, *sumendus* – кистью руки.

– Благодарю покорно; сколько я должна заплатить вам, сударь?

– Микстура – очень дорогое лекарство; это стоит двенадцать пенсов; но с вас, как с бедной женщины, я возьму девять.

– Покорно благодарю, – ответила старуха, кладя деньги и откланиваясь мне очень вежливо.

– Bravo! – воскликнул Тимофей, потирая руки. – Мы разделим это пополам, Иафет, не правда ли?

– Да, – ответил я, – но мы должны поступить честно и не обманывать Кофагуса; склянку продают, как ты знаешь, за один пенс; я думаю, что лекарство также не стоит более пенса, так если мы заплатим два пенса Кофагусу то его не обманем и не украдем его собственности, а остальные семь пенсов будут нашим барышом.

– Но как мы поставим эти два пенса на счет? – спросил Тимофей.

– Скажем, что продали две склянки вместо одной, ты знаешь, что их никогда не считают.

– Прекрасно, – воскликнул Тимофей, – теперь станем делить!

Но этого нельзя было сделать до тех пор, пока Тимофей не сбегал и не разменял денег. Мы получили каждый по три пенса с половиною и в первый раз в жизни могли сказать, что имеем деньги в кармане.

Глава III

Так как первая попытка наша удалась, то мы вздумали продолжать дело. Но я боялся сделать какое-нибудь несчастье моим лечением и потому расспрашивал у Брукса свойства разных лекарств, когда он их составлял по рецептам, чтобы не попасть на какое-нибудь ядовитое. Брукс был этим доволен и объяснял мне все очень подробно, так что я не только узнавал лекарства, но сверх того делал себе хорошую репутацию у Кофагуса, которому Брукс говорил о моем прилежании и любознательности.

– Хорошо, очень хорошо, – повторял Кофагус. – Прилежный мальчик, который учится своей должности, будет доктором медицины, станет ездить в своем экипаже... гм... и так далее.

Несмотря на это, во вторую мою попытку я удивительно сгруппировал, и это чуть не наделало было беды.

Однажды вечером пришел к нам ирландский полупьяный мужик, который спрашивал, есть ли у нас пластырь, так называемый *для бедных людей*.

– Правду сказать, – говорил он, – я слышал, что он очень полезен от моей боли в спине, которая мешает мне лазить по лестницам, а так как сегодня суббота, то я получил сейчас деньги, на которые и хочу сперва купить пластыря, а на остальные выпить водки, которая, может быть, не вылечит ли меня, а если все это не поможет, то, верно, сам черт уже залез в мою спину.

У нас не было этого пластыря, но был нарывной. Тимофей передал его мне, а я мужику.

– Что вы хотите за него? – спросил он меня. Нарывной пластырь, намазанный на бумагу, стоил шиллинг, и потому я спросил восемнадцать пенсов, таким образом мы получили барыша шесть пенсов.

– Черт возьми, можно бы было подумать, что вы ошиблись и дали мне пластырь *для богатых людей*; от этого у меня будет меньше водки. Вот вам деньги – да и прощайте, уже поздно.

Мы с Тимофеем смеялись, считая деньги; но, кажется, что бедняга, напившись водки, приложил пластырь к спине, когда ложился спать, потому что на следующее утро был не в завидном положении.

Целую неделю мы его не видали, но к концу ее, к ужасу нашему, он вошел в лавку. Брукс был тогда занят чем-то за конторкой. Тимофей увидел его прежде, нежели он мог нас заметить, и сейчас дернул меня. Мы ускользнули в заднюю комнату и открыли немного двери, чтобы слышать, что происходило.

– Это разбой! – кричал мужик. – Верно, вы мне дали чертова пластыря; он не оставил у меня ни клочка кожи; я целую неделю пролежал на постели без работы.

– Я, право, не помню, чтобы давал тебе какой-нибудь пластырь, – возразил Брукс.

– Черт вас возьми, если вы не помните, а мне кажется, я во век не забуду его. Правда, он вылечил меня, но зато я чуть не умер от этого проклятого лечения.

– Ты, верно, брал в какой-нибудь другой аптеке, – заметил Брукс, – не ошибаешься ли?

– Какая ошибка! Видно, вы ошиблись пластырем. Разве я не помню, что получил от мальчика в этой лавке.

– Никто не продает здесь без меня.

Ирландец был удивлен, он осматривался кругом.

– Ну, если это не та лавка, так, по крайней мере, родная ее сестра.

– Тимофей! – закричал Брукс.

– В той лавке был тоже какой-то Тимофей, потому что я слышал, как один мальчик звал другого этим же именем. Впрочем, все равно, если пластырь содрал с меня кожу, зато вылечил. Итак, прощайте, аптекарь.

Когда ирландец ушел, мы вышли из нашего убежища, и Брукс спросил меня:

– Иафет, продавали вы пластырь ирландцу?

– Да; разве вы не помните, в прошлую субботу я вам отдал шиллинг?

– Помню; да чего он у вас спрашивал?

– Он требовал пластырь от lumbago, а я дал ему нарывной.

Я посмотрел на Тимофея и засмеялся. – Не делайте в другой раз этих штук, – сказал Брукс. – Я вижу, в чем дело. Это шутки для вас, а не для него.

Брукс думал, что мы из шалости это сделали. Он читал нам очень долго мораль и грозил пожаловаться Кофагусу, если мы сделаем это впредь.

Так прошла наша гроза, сделавшая меня на будущее очень осторожным, и так как я с каждым днем приобретал более познаний в лекарствах, то и мог в скором времени сам их составлять на все требования, и менее, нежели через полтора года, я приготовлял уже все по рецептам. К концу этого времени Брукс отошел от нас; на меня были возложены все его занятия, и я старался во всем угождать Кофагусу.

Теперь, когда я приобрел уже некоторое повышено, надобно читателю дать понятие о моей наружности, о которой я до сих пор не упомянул.

Мне минуло тогда пятнадцать лет. Я был тонок, высок не по летам, приятной наружности; имел большие блестящие глаза, орлиный нос, высокий лоб и черные волосы – вот черты моей особы. Вообще я был милый мальчик с маленькими белыми зубами, с ямочками на щеках и красивым личиком; но, подобно всем аптекарям, я не имел взгляда премудрости, или по крайней мере самонадеянности, который так обыкновенен в свете. Лоб мой был совершенно бел и нежен, кудри зачесаны назад и с такою тщательностью, как только можно было зачесать волосы. Особа, обладающая описанными принадлежностями, делала все по предназначенной мере и правилам. Длинными пальцами я сворачивал пакеты с такой задумчивой важностью, как будто бы министр, только что подавший необъяснимый протокол; а по ловкости, с которой я переливал жидкости из одной склянки в другую, можно было бы меня почтить за королевского доктора.

Во время скучных занятий передо мной на конторке всегда лежала книга, но не роман и не восторженное поэтическое сочинение, а обыкновенная медицинская или аптекарская, усеянная на каждой строке греческими и латинскими словами. Все это придавало мне настоящую докторскую важность.

Таков был ваш покорный слуга во время произведения своего в раздаватели жизни и смерти. Поэтому читатель не удивится, если я был замечаем всеми, кто приходил советоваться или говорить с Кофагусом, и знакомые его даже спрашивали обо мне: откуда я и кто мой отец.

– Отец? – отвечал обыкновенно Кофагус, когда они входили в заднюю комнату, чтобы я не слышал их разговора. – Отец?.. Гм... не могу сказать... любовь... тайна... найденное дитя, воспитательный дом... и так далее.

Нередко повторение подобных вопросов заставляло меня размышлять о моем происхождении, о котором я и забыл бы, ведя счастливую и беззаботную жизнь. Ложась спать, я припоминал все узанное от смотрителя воспитательного дома. Бумага, найденная в корзине, была отдана мне, и я так часто ее перечитывал, что знал наизусть и помнил, что я – законнорожденный. Сумма денег, оставленная со мною, доказывала, что виновники появления моего в свет при моем рождении не были бедны. Это увеличивало во мне желание открыть моих родителей. Я был тогда уже довольно взросл и вступал в самый романтический период жизни; о, сколько промелькнуло тогда несообразных и странных мыслей в моей голове. Иногда мне казалось, что если я и не княжеского происхождения, то по крайней мере дворянского, и что водители мои имели особенные причины быть скрытными. В другой раз... но для чего рассказывать все нелепости и возвышенные замки, которыми я был занят. Все мои мечты исчезли бы наконец и оставили бы меня в горестной безнадежности, если бы Кофагус не ободрял меня словами:

«Хороший мальчик, очень хороший мальчик не нуждается в отце». Но он ошибался, мне нужен был отец, и каждый день эта нужда делалась более чувствительной, и я беспрестанно повторял себе: «Кто мой отец?».

Глава IV

Когда Брукс нас оставил, то мы с Тимофеем имели еще более случаев продолжать наши денежные обороты. Но, исключая похищения у Кофагуса, мне вскоре представился случай делать еще большие и скорейшие приобретения. Между тем я приобретал все более и более познаний, читая всякий вечер хирургические и медицинские книги, которые давал мне Кофагус, объясняя в них то, о чем я его спрашивал. Таким образом я вскоре получил достаточные сведения о моей должности. Кофагус выучил меня также пускать кровь, показав сначала, как перерезывать толстые жилы на капустных листьях, а когда уверился в легкости моей руки и в верности глаза, то позволил мне пустить кровь из своей собственной руки.

– Хорошо, – говорил Тимофей, видя мои новые успехи, – я слышал, что нельзя добыть крови из репы, а тебе так удалась проба и над капустой. Я позволяю тебе, Иафет, практиковаться над моей рукой, сколько угодно с условием платить за каждое кровопускание по два пенса.

Я согласился на его предложение и, режа жилы Тимофея, достиг наконец совершенства. Надобно притом сказать, что несмотря на мои занятия, желание узнать родителей с каждым днем увеличивалось, чему еще более способствовала книга, данная мне Кофагусом. Это была диссертация о человеческом поведении, симпатиях, антипатиях, объясняющая, каким образом черты лица и разные оригинальности передаются от одного поколения к другому. Эта же книга говорила, что нос есть такая черта лица, которая вернее всех переходит от отца к сыну, а так как у меня был орлиный нос, то можете вообразить, с каким вниманием я рассматривал себя и лица всех, кого только встречал, прочитав эту знаменитую книгу.

Если я видел мужское лицо с носом, который казался мне похожим на мой, меня удивляло сходство, и я уже думал, что это отец мой. Беспреданное присутствие этой мысли сделало меня наблюдательным мечтателем, и я тысячу раз говорил об этом Тимофею, который был поверенным моих мыслей и другом моего сердца, что он, я думаю по справедливости, посылал отца моего к черту.

Наша лавка была хорошо снабжена всем внешним блеском, которым обыкновенно украшают дома, доставляющие помощь всем болезням, недугам и даже смерти. Так как дом наш находился на самом проезжем месте, то прохожие обыкновенно останавливались посмотреть на нашу лавку, а мальчишки в изорванных платьях любовались пестрой выставкой.

В числе любующихся и проходящих мимо была женщина, которая повторяла свои прогулки раза по три-четыре в сутки. Ей было лет около сорока, но она всегда держалась прямо, имела что-то решительное в своей почти мужской походке, и, несмотря на рост, формы ее и развязность в движениях были совершенно женские. Когда она устремляла на меня свои глаза, взор ее блистал какой-то дикостью и поневоле оставлял неприятное впечатление, но вместе с тем так меня очаровывал, что часто рука моя, державшая бумагу с порошком, оставалась неподвижной. Из наблюдений наших мы заметили, что шаг ее в продолжение дня был не всегда одинаков, именно: проходя обыкновенно в последний раз возле нашей лавки, около пяти часов после обеда, она ходила гораздо скорее, и походка ее была неровная, и взор пронизательнее. Прогулки ее доставляли Тимофею большое удовольствие, он строил ей гримасы и называл сумасшедшей. Однажды вечером, когда мы ждали ее в последний раз, вдруг она вошла в нашу лавку. Внезапное посещение ее чрезвычайно нас удивило, так что Тимофей со страху перескочил через конторку и прижался ко мне, а я от лихорадочного холода щелкал зубами. Взгляд ее был дик по обыкновению, но мне казалось, что он не выражал сумасшествия, и я сейчас же опомнился и велел Тимофею подать стул, прося позволения узнать, чем я могу быть ей полезен. Тимофей обошел конторку, подвинул к ней стул и с поспешностью отправился опять на прежнее свое место.

Она отодвинула стул и, положив свои маленькие, удивительной белизны ручки на мою конторку, наклонилась ко мне и сказала: «Я больна» таким тоненьким приятным голоском, что он запал в самую глубь моего сердца.

Удивление мое возрастало, но почему, я, право, не знал: от того ли, что у нас столько примеров для исключения из общих правил, или что мы всегда судим прежде по голосу о наружности говорящего.

Когда я взглянул на ее лицо, которое тогда освещалось блеском серебряной лампы, оно было безжизненно, с чернотой под глазами и морщинами на лбу; глядя на нее, я думал, что услышу скорее бурную симфонию из громовой тучи, нежели приятные звуки женского голоса.

– Боже мой, сударыня, – сказал я с жаром, но почтительно, – позвольте мне послать за Кофагусом?

– Не надобно, – ответила она, – я пришла к вам и знаю, – продолжала она, понизив голос, – что вы отпускаете лекарства, даете советы и сами получаете деньги.

Это меня встревожило, я был обличен, и румянец невольно покрыл лицо мое. Тимофей, который слышал, что она сказала, выражал свое неудовольствие всевозможными телодвижениями. Он то взмахивал ногами, как будто бы их поджигали коленными угольями, то хлопал по карманам, то скрежетал зубами, то сжимал кулаки и кусал до крови губы; наконец он шепнул мне на ухо:

– Вот почему она все подсматривала и выглядывала у нас. Она все знает, и мы пропали, если ты ее не подкупишь.

Я оттолкнул его и обратился опять к своей посетительнице.

– Я предписывал лекарства, сударыня, – ответил я наконец, – в каких-нибудь ничтожных случаях и получал деньги, как вы говорите, когда не было дома хозяина; но мне еще не все здесь доверено.

– Знаю, знаю, но вам нечего меня бояться... вы слишком скромны... Я хотела бы вам верить потому, что не полагаюсь на искусство вашего хозяина.

– Как вам угодно, сударыня, – сказал я, кланяясь почтительно.

– Есть ли у вас камфора со спиртом?

– Есть.

– Итак, сделайте одолжение, потрудитесь сейчас же отослать ее с мальчиком ко мне на квартиру.

Я подал бутылку, за которую она заплатила, и велел Тимофею отнести ее по адресу. Тимофей надел шляпу, взглянул на меня и оставил нас одних.

– Как вас зовут? – спросила она меня тем же приятным голосом.

– Иафет Ньюланд, – ответил я.

– Иафет, это хорошее имя, – сказала она про себя, – оно взято из священного писания, но Ньюланд – светская фамилия.

«Тайна моего рождения открыта», – подумал я, но я ошибался. Она, верно, какая-нибудь фанатичная модистка; я посмотрел на нее еще раз, и одежда ее разуверила меня в этой идее.

– Кто дал вам это имя? – сказала она, помолчав. Вопрос был довольно прост, но он пробудил кучу неприятных воспоминаний, и я, не желая поверить ей всего, ответил то, что обыкновенно отвечал всякое утро в воспитательном доме: «Крестный отец и мать, сударыня».

– Мне очень дурно, – прибавила она после некоторого молчания, – не угодно ли вам попробовать мой пульс?

Я взял ее руку, которая была очень изящна.

Как жалко, – подумал я, – что она стара, дурна и полухвора.

– Кажется, что, судя по пульсу, у меня большое нервное раздражение. Я заметила сегодня утром, что пульс мой бил по сто двадцать раз.

– Правда, пульс очень част, – сказал я, – но может быть, камфора со спиртом помогут.

– Благодарю вас за совет, господин Ньюланд, – сказала она, положив гинею, – и если мне не будет лучше, то я опять приду к вам или пришлю за вами. Прощайте.

Она вышла из лавки, оставив меня в недоумении. Когда Тимофей возвратился, я был в глубоком размышлении, и гинея лежала еще на конторке.

– Мы встретились, когда она возвращалась домой, – сказал он. – Боже мой, гинея! Откуда это, Иафет?

Я рассказал ему случившееся.

– Да, кончилось гораздо лучше для нас, нежели я ожидал, – прибавил он.

Слово *нас* напомнило мне, что выгоды мы делим поровну, и я предложил Тимофею половину, но, несмотря на то, что он был шалун, он никак не соглашался взять свою долю. «Потому, – говорил он, – что ты получил эти деньги за консультацию и сделался уже теперь Medicus doctor».

– Тимофей, я ничего не могу понять из этого приключения, – сказал я, подумав несколько минут.

– А я понимаю, – ответил Тимофей, – она до тех пор смотрела в окно, пока не влюбилась в твое хорошенькое личико; это точно, будь уверен.

Так как я не мог найти другой причины, и притом мнение Тимофея льстило моему самолюбию, то я и уверовал в его предложение.

– Жаль только, Тимофей, что она так уродлива, – сказал я, – и потому не могу ответить ей взаимностью.

– Это ничего, только бы деньги платила аккуратно.

На следующее утро она опять явилась, купила бутылку камфоры со спиртом, отослала ее с Тимофеем домой и, спросив опять моего совета, заплатила другую гинею.

– Сударыня, я не имею никакого права брать эти деньги, – сказал я.

– Напротив, – ответила она, – я знаю, что у вас нет друзей и что вам нужно покупать книги для ученья, без чего вы не будете образованным человеком.

Потом она села, стала разговаривать, и я удивлялся, с каким жаром и силой делала она свои замечания, и притом каким приятным голосом... В продолжение месяца она очень часто нас посещала, оставляя при каждом визите гинею, я хотя и не был влюблен в нее, но был благодарен за ее доброту и восхищался ее суждениями. Мы вскоре сделались совершенными друзьями и стали откровенны между собой.

Однажды вечером она сказала мне:

– Иафет, вот уже мы друзья с некоторого времени; могу ли я на вас положиться?

– Вы можете верить мне даже самую жизнь вашу, если это нужно.

– Я и не сомневалась, – ответила она. – Итак, можете ли вы отлучиться из лавки и прийти ко мне завтра вечером?

– С удовольствием, если вы пришлете сказать мне, что вы дурно себя чувствуете.

– Пришлю в восемь часов. Итак, прощайте до завтра.

Глава V

На следующий вечер, поручив свою должность Тимофею, я отправился в ее дом, который как внутри, так и снаружи был очень хорошо отделан. Меня сначала ввели в приемную комнату.

– Мисс Джуд сейчас придет, сударь, – сказала мне высокая худошавая девица пуританской наружности, затворив за собой дверь.

Не говоря ни слова, я стал ожидать ее госпожу. Таким образом прошло не более десяти минут, в продолжение которых пульс мой бешено колотился.

– Чего хотят от меня? – думал я. – Быть может, требуют любви моей или даже жизни... Но размышления мои были прерваны появлением мисс Араматеи Джуд, которая, вежливо поклонившись, просила меня сесть вместе с нею на софу.

– Господин Ньюланд, – сказала она, – я хочу и надеюсь, что могу доверить вам весьма важную для меня тайну. Почему я обязана так поступить, вы поймете, когда выслушаете мою историю. Скажите наперед, преданы ли вы мне?

Вопрос этот был слишком откровенен для шестнадцатилетнего мальчика; взглянув на ее руки, я подумал, что я действительно к ней привязан, но лицо ее заставило опять переменить мое мнение. Находясь теперь весьма близко к этой женщине, я заметил, что у нее во рту было что-то ароматическое, издававшее крепкий запах.

Это заставило меня заключить, что ее дыхание было вовсе не сообразно с приятным ее голосом, отчего она сделалась для меня еще противнее.

– Благодарю вас за доверие, мисс Джуд, постараюсь оправдать его на деле и тем доказать мою вам преданность.

– Когда так, то поклянитесь мне всем для вас священным, что вы не расскажете никому того, что я вам теперь открою.

– Клянусь всем священным, что не расскажу! – ответил я, целуя ее руку с таким жаром, что сам не понимал, откуда бралась моя восторженность.

– Так позвольте мне оставить вас на минуту, – сказала она, выходя из комнаты.

Я не успел опомниться, как она уже возвратилась, одетая по-прежнему, но с прелестным молодым лицом, по которому ей казалось не более двадцати двух или двадцати трех лет. Я не верил глазам, глядя на переменившиеся черты лица ее.

– Перед вами Араматея Джуд в настоящем виде, – сказала она улыбаясь, – и вы первый смотрите на лицо мое без маски, которая закрывала его в продолжение двух лет; но прежде нежели я буду продолжать далее, спрашиваю еще раз, могу ли я на вас полагаться, и если да, то в таком случае обещайте мне то, чего я от вас требовала.

– Клянусь, – ответил я, взяв ее ручку, которую в этот раз поцеловал с удовольствием. Не могу забыть тогдашней моей глупости, с какой я глядел на нее. Взоры мои впились в нее с такой выразительностью, что, кажется, могли бы смягчить сердца трех модисток. Словом сказать, я по уши влюбился в мисс Джуд и думал уже о женитьбе, о будущем богатстве и Бог знает о чем еще, но все эти мечты разрушила одна короткая простая фраза, которую притом произнесла она приятным выразительным голосом:

– Перестаньте, Иафет; вы шалите...

После этих слов я невольно выпустил ее руку и сидел, как осужденный.

– Теперь выслушайте меня, – говорила мисс Джуд. – Я думаю, вы заключили, что я обманщица или, как теперь выражаются, искательница религиозных приключений. Признаюсь, это новое выражение можно применить к немногим только лицам, в числе коих была и моя тетка, принадлежавшая к одной секте, которая почитала ее за предсказательницу. Мне не нужно вам говорить, что эта секта – чистая глупость, однако многие были в ней по убеждению. Живя с теткой, я узнала, как легко дурачить людей, пользуясь их легковерием. Во всех причудах, с помо-

щью которых она старалась казаться неестественной в глазах своих поклонников, я была единственным ее поверенным. Все ее религиозные конвульсии и вдохновения были мне хорошо известны. Поэтому не надо удивляться моим обманам, к которым я привыкла с малолетства. Физическое сложение наше было чрезвычайно сходно, даже до такой степени, что когда я надевала платье и чепчик моей тетки, то всегда вводила в обман ее почитателей, которые принимали меня за нее. Нужно заметить, что тетка моя, умирая, обещала своим ученикам опять явиться, и те ей верили непреложно. Но я была другого мнения; когда ее похоронили и со страхом стали ждать ее возвращения, я взяла на себя труд осуществить их ожидание, в чем и сумела их обмануть. Спустя неделю после смерти тетки я решилась исполнить задуманное, для чего надела ее платье, покрасила и совершенно переменила лицо свое, и так на нее была похожа, что, смотря в зеркало, себя не узнавала, и вот вечером в таком наряде я отправилась туда, где собирались ее поклонники, и внезапно предстала среди них. Можете вообразить, Иафет, как обрадовались они моему появлению в образе тетки; вся эта толпа пала передо мною на колени и поклонялась мне, как пророку, восставшему из гроба, обманывая себя собственным легковерием. Более двух лет пользовалась я своим могуществом над их умами, но одно недоразумение потрясло веру новообращенных.

Мнение их поддерживается большинством. Но так как старые мои поклонники умирают, то я должна заменять их другими, чтобы не уронить своего веса и чтобы было чем платить доктору за доставляемые средства. Для привлечения новых поклонников надобно употреблять конвульсии, вдохновения, исступления, чего я не могу делать с достаточной энергией без горячительных средств. Понимаете ли вы меня?

– Как нельзя более, – ответил я. – Впрочем, я и сам давно думал, что вы прибегаете к подобным средствам, особенно вечером, но боюсь, не слишком ли вы много употребляете. Это может совершенно расстроить ваше здоровье.

– Не более нужного для поддержания роли, принятой мною на себя, и для поддержания веры учеников, из коих многие уже сомневаются и подозревают. За мной начали теперь присматривать. Женщина, которая мне служит, кажется, подкуплена, и я не могу удалить ее от себя, потому что она мне дана обществом моих учеников, которым принадлежит дом и все, что вы в нем видите. Кроме этого я имею страшную соперницу, которая, стараясь достигнуть одинаковой со мною цели, называет меня обманщицей и говорит, что она есть настоящая предсказательница. Но ей трудно будет доказать это, – продолжала она с насмешливой улыбкой. – Итак, вы видите, что я должна принять свои меры предосторожности. Но так как мне самой нельзя бывать у вас каждый день в аптеке, от чего слава моя как предсказательницы могла бы пострадать, и так как я без горячительных средств не могу существовать, то и прошу вашей помощи.

– Чем же я вам могу служить?

– Тем, чтобы вы присылали мне их вместо лекарства, потому что я не могу доставать их другим образом; сверх того вы должны хранить в тайне секрет, который я вам поверила.

– С удовольствием выполню оба условия, мисс Джуд, но извините, если я буду с вами откровенен. Как жаль, что такое прелестное, молодое существо, как вы, привыкаете к напиткам. Скажите, для чего поддерживать вам эту ненавистную систему, зачем жертвовать для нее своим здоровьем, можно сказать, счастьем, зачем?..

Но я, разгорячась, дошел бы, может, до предложения о женитьбе, если бы она меня не остановила.

– Для чего большая часть людей жертвует своим здоровьем, счастьем, всем дорогим на свете, если не для честолюбия и желания властвовать? Правда, пока мое лицо еще приятно и молодо, мне, может быть, угождали бы, как угождают красивой молодой женщине, но все-таки меня бы не обожали, как кумира, или обожали бы непрочно. Нет, я нахожу что-то особенно приятное, привлекательное, видя, как эта толпа глупцов благоговейно смотрит на меня,

и люди втрое старше меня годами падают на колени и целуют мое платье. Это настоящее идолослужение. Удовольствие, которое они мне приносят своим почитанием, подавляет во мне все другие страсти и даже самую любовь. Я не могу не унизиться в собственном мнении, дав чувству власть над собою; да притом, я так привыкла к горячительным средствам, что если бы и не имела цели казаться предсказательницей, то все-таки не обошлась бы без них.

– Но не самый ли низкий это порок?

– Я согласна с вами, но при моих обстоятельствах это совсем другое дело; я падаю, чтобы более возвыситься; я без обмана не могла бы быть тем, что я теперь. Итак, это только мера для того, чтобы привести в исполнение планы честолюбия.

Долго еще продолжался наш разговор, но я ничем не мог поколебать ее намерения и, расставаясь с нею, сожалел, что она так рано отказалась от любви, потому что, несмотря на корни, которые она употребляла для заглушения запаха спирта, мне очень нравилась ее красота и твердость духа. Притом я не мог хладнокровно думать о том, что она ремеслом своим обрекает себя на преждевременную старость и смерть. Прощаясь, она дала мне пять гиней, чтобы за них прислать ей, чего она требовала. Взяв деньги, я остановил ее и, сам не зная почему, сказал ей:

– Мисс Джуд, окажите вы мне в свою очередь любезность, позвольте мне вас поцеловать.

– Поцеловать? – сказала она с сердцем. – Нет, смотрите лучше на меня, потому что последний раз видите меня молодой, и смотрите, как на гроб, красивый снаружи, но испорченный внутри.

– Может быть, поцелуй мой, – ответил я, – пробудил бы вашу спящую энергию и возжег бы в вашей душе пламя честолюбия, которое показало бы вам лучший путь ко всему хорошему и великому.

– Лучший путь не для меня, – говорила она, – судьба избрала мне другой, отчасти и сама я. Прощайте. Не забудьте завтра прислать мне лекарства.

Я оставил ее и возвратился домой очень поздно; но прежде, нежели лег спать, рассказал про все Тимофею, потом заснул, но ее образ и во сне меня преследовал. Она то являлась мне со своим размалеванным лицом, то со снятой маской, и тогда я падал пред нею на колени, чтобы боготворить ее красоту, то виделось мне, что красоту ее заменяло отвратительное безобразие, и мне делалось дурно от сильного запаха спирта; по временам я просыпался и был очень рад, что отделался от этих видений, но только что засыпал, страшный сон опять меня тревожил. Она опять мелькала предо мною, но уже с хвостом гидры, как Мильтон описывает грех в «Потерянном рае». Она кружилась около меня, и прелестное ее лицо постепенно превращалось в скелет... Тут уже я вскрикнул, проснулся и более не засыпал, благодаря испугу, чем совершенно и вылечился от любви к Араматее Джуд.

На следующий день я послал Тимофея купить спирту, который подкрасил, положил в него корицы, чтобы заглушить дух, и отправил ей две дюжины больших склянок, тщательно завязанных и запечатанных. С тех пор она ходила в лавку только рано поутру, и то очень редко, я же хотя и часто посещал ее, но эти визиты были единственно для получения денег, любовь же тут вовсе не вмешивалась. Однажды я попросил у нее позволения быть при их собрании, и она согласилась. Словом, я с ней очень коротко познакомился, и когда она заметила, что я уже не думаю о любви, то позволяла мне проводить по несколько часов сряду у себя, и хотя казалась весьма дурною, но я не гнушался ею, припоминая себе настоящую ее красоту.

Тимофей очень был доволен моими отношениями с мисс Араматеей Джуд, потому что за все его посещения с лекарствами она очень щедро ему платила. Все шло как нельзя лучше в продолжение трех месяцев, но в конце этого времени раз Тимофей пошел к ней с лекарством и возвратился назад с полной корзиной, и со страхом объявил мне, что дом ее пуст, что он старался расспросить обо всем у соседей и по рассказам, которые, однако же, не совершенно сходны, узнал, что соперница ее явилась к ней со всеми учениками и что между ею и мисс Джуд произошла ужасная ссора, на шум которой явилась полиция, и обеих предсказательниц поса-

дили в рабочий дом; говорили также, что мисс Джуд с ее учениками по приговору суда будет отправлена на поселение... И так, этого было достаточно, чтобы испугать двух таких мальчиков, как мы. В продолжение нескольких дней нам все представлялись полиция и заточение, и, казалось, мы это видели на лице каждого посетителя нашей лавки. Страх этот постепенно исчезал. Впоследствии я ничего уже не слышал о мисс Араматее Джуд.

Глава VI

После описанного приключения я горячо принялся за мои занятия и сделал в них большие успехи, приобрел с помощью чтения общие необходимые для меня познания. Но главным предметом размышления было таинственное мое появление в свете, и всегдашний вопрос:

«Кто мой отец?» сильно тревожил мое воображение. Одно только чтение могло рассеять на время эти мысли, а потому я и записался на пользование книгами из магазина которых почти не выпускал из рук. Два года таким образом провел я у Кофагуса, но тут случилось со мною происшествие, которое я постараюсь рассказать вам со всевозможной точностью, какую требует подобный предмет.

Мы живем в мире честолюбия и соперничества. Как два народа, оспаривая первенство, посылают в гроб тысячи людей до тех пор, пока один из них не уступит другому, так точно и в частном быту враждуют между собою граждане, откуда и происходит злословие, клевета и прочее... Точно за то же ссорятся и женщины, но из этой ссоры следует только потеря репутации в высшем классе и волос в низшем. После этого не удивительно, что повсеместная страсть честолюбия проникает и в аптеки, не боясь ужасного запаха разных спиртуозных лекарств. Через две улицы от нас находилась аптека Эбenezера Пледжида, но, к счастью, она выходила на другую улицу, а потому наша по месту уже имела преимущество над нею, в других же отношениях выгоды их были почти равны. Окошко аптеки Пледжида было украшено четырьмя разноцветными склянками, следовательно, двумя только более, нежели у нас, но мы зато имели две лошади, и притом разношерстные, а он одну. Пробки склянок Пледжид покрывал розовой бумагой, а мы светло-синей; но надобно отдавать справедливость даже врагам. С тех пор, как Брукс от нас отошел, Пледжид имел двух учеников, а Кофагус одного, и этот один был я, Ньюланд. Но ученики Пледжида имели телесные недостатки: один был крив, а другой кос, и так, чисто зрительно, преимущество оставалось за нами, да и действительно, лучше иметь украшением на камине алебастровую вазу, нежели две фарфоровые, но старые и поврежденные. Правда, что у Пледжида находилась над лавкой золотая вывеска со ступкою, чем Кофагус забыл украсить свой дом; но надобно заметить, что вывеска была с трещиной, а ступка без пестика. Позвольте мне теперь спросить знающих в этом деле: можно ли действовать ступкою без пестика? Но оставим и это. Скажу еще, что лавка наша имела две лицевые стороны, как у храма Януса, а потому и превосходила свою соперницу. Умалчиваю о преимуществах и представляю это на суд беспристрастных читателей. Все, что могу сказать я – что между двумя домами царствовала непримиримая зависть, злая вражда и беспредельное презрение. Каждый раз, когда Эбenezер встречал на улице Кофагуса, то первый начинал плевать, как будто проглотил какое-нибудь отвратительное лекарство, а Кофагус крутил палкой над своей головой и становился в такую грозную позицию, что противник его мог бы призвать на помощь правосудие, чтобы заставить Кофагуса дать отчет в своих намерениях. Кофагус же для большей бодрости обыкновенно бормотал про себя:

– Глупец, ничего не знает, гм, пациенты умирают, и так далее.

Понятно, что этот враждующий дух вкрался и в нижний класс обитателей аптекарских домов. Ученики Пледжида были непримиримые с нами враги, но эта вражда была еще сильнее между мальчиками, носившими по городу лекарства и ящики, которые можно было почесть за вывеску двух неприязненных партий. Тимофей, хотя и был самым добродушным мальчиком в мире, но до того ненавидел своих противников, что сам доктор Джонсон был бы доволен его ненавистью. Если ящик его был не так полон, то он клал вниз пустые бутылки, чтобы только поддержать честь своего дома и не увидеть насмешливой улыбки на лице рыжего своего противника, когда они встретятся. Явной же вражды между начальниками и их подчиненными

еще не обнаруживалось, но судьбе угодно было, чтобы спокойствие, даже и наружное, не продолжалось более.

Гомер описал битвы богов, полубогов и героев, Мильтон – борьбу добрых и злых ангелов, Свифт – сражение книг, но не знаю, описал ли какой-нибудь поэт войну аптечных склянок; тут надобно иметь более таланта, нежели на изображение ссор богов, полубогов, ангелов и героев. Итак, согласитесь, чтобы достойно описать похождения пилюль, микстур, натираний, пластырей, нужно преодолеть большие трудности для разработки такого предмета, и я, не надеясь привести в совершенство рассказ мой, предоставляю его сочинителям эпических поэм.

Ненависть, пожиравшая две партии, как дом Монтекки и Капулетти, с каждым годом, месяцем и днем увеличивалась и, несмотря на возрастающую силу, обнаруживалась только знаками взаимного презрения. Но раз Тимофей Олдмиксон (я упоминаю его фамилию потому, что считаю за грех пропускать что-нибудь из тичула в таких важных случаях), раз Тимофей Олдмиксон говорю я, с поспешностью поворачивал из одной улицы в другую, неся с собой полный ящик лекарств, как вдруг встретил на углу рыжего Меркурия Пледжиды с ящиком в руке, с ненавистью в сердце и также торопившегося. Они наткнулись друг на друга, и, можете вообразить, как ужасно было столкновение вражеских ящиков. Множество склянок разбилось, и смесь разных жидкостей потекла через скважины ящиков и наполнила всю улицу ужасным запахом. Две женщины билингетки¹ остановились, радуясь, что красноречие их может развиться при этом случае. Две кошки, находившиеся на крыше смежного дома с поднятыми лапками, чтобы сразиться, забыли неприязнь и глядели на это зрелище. Два политика пресекли свой шумный разговор, чтобы посмотреть на них. Двое мальчишек перестали есть вишни, доставая их из шляпы, чтобы только не упустить любопытной картины. И в самом деле картина была очень забавная. Герои наши встретились с такой силой, что оба принуждены были отскочить на несколько шагов назад, и, как храбрые рыцари, вместо щитов держали ящики, стоя крепко на ногах. Несколько минут прошло в отдышке, но скоро чувство давнишней ненависти взяло верх, и Тимофей первый был проникнут этим чувством. Бросив выразительный взгляд на своего противника и стиснув зубы, он кинулся на него, крича во все горло:

– Вот тебе!.. Знай!.. В другой раз не будешь толкать порядочных людей.

Рыжий герой не мог устоять от нанесенного удара и отступил назад; но не страх был причиною его отступления. Он, вынув склянку с лекарством с надписью: «Сейчас же принять», бросил ее изо всей силы в Тимофея; стекло, разбившись, разрезало нос и щеку нашему храбренцу, а микстура, заливая раны несчастного, произвела в них невыразимую боль.

Тимофей, презирая нанесенную ему обиду, последовал примеру своего противника и, схвативши такую же склянку, даже еще большего размера, бросил в него с такой ловкостью и силой, что она разбилась между глаз рыжего Меркурия, и разлившаяся жидкость не позволяла ему ничего видеть; таково было начало достопамятного боя.

Любители приключений составили возле них кружок, но на таком почтительном расстоянии, что послания двух партий до них не долетали.

– Хорошо, рыжая голова! Браво, белый передник! – раздавалось отовсюду.

Коробки и разные жидкости встречались в воздухе, склянки разбивались и свистели, как стрелы, коробочки с пилюлями разрывались, как бомбы, и падали в виде картечи на землю... Толпа зрителей все более и более увеличивалась, но наконец стало уже недоставать зарядов, и Эбenezер Пледжид, услышав шум, а может быть, узнав запах своей собственности, прибежал на поле сражения, растолкал кружок, образовавшийся около двух соперников, и с поднятой палкой устремился на Тимофея. В эту минуту одна из собственных его склянок, брошенная рыжим его подчиненным, попала почтенному аптекарю прямо в разинутый рот и вышибла последние зубы; жидкость же, не находя препятствий, текла ему в горло. Получив внезапную

¹ В Лондоне есть квартал Билингетский, в котором женщины отличаются словоохотливостью.

порцию внутреннего эликсира, который сам приготавливал, он упал и был отнесен домой, где оставался несколько дней, не являясь в лавку продавать свои лекарства.

Читатели, вам, вероятно, известно единоборство рыцарей. Когда шлемы и щиты их потеряны, и шпаги изломаны, они вступают в брань на кинжалах. Точно то же случилось и с Тимофеем. Потеряв все свои воинские инструменты и не желая более драться на дальнем расстоянии, он с жаром напал на неприятеля и с первого раза опрокинул его. Потом, насев ему на грудь, выхватил последнюю оставшуюся склянку и ящик с пилюлями, у которого проломилось дно, высыпал в горло несчастного все сорок восемь пилюль и забил их в рот коробочкой, как пыжом. Наконец, победоносный Тимофей взял свою пустую корзину и при рукоплескании публики отправился домой. Победенный же рыцарь старался высвободить из горла остатки картона, чтобы свободно вздохнуть, и потом был унесен домой.

Когда Кофагус увидел Тимофея, то сначала был не совершенно доволен потерей такого множества лекарств, но когда услышал конец истории, то так обрадовался победе над Пледжидом и его посыльным, что дал Тимофею полкроны. Пледжид был совсем не в духе от происшедшего дела и хотел было завести тяжбу, о которой более толковали соседи, нежели он сам.

Во время моего пребывания у Кофагуса ничего примечательного не случилось, исключая описанное происшествие, которое увеличило еще более неприязнь двух домов. Я пробыл у него с лишком три года и стал наконец ненавидеть мое заключение, тем более, что всегдашняя моя мысль: «Кто мой отец?» тревожила меня и во сне и наяву, и если бы я имел средства, то, наверно бы, оставил мои занятия, чтобы только искать отца.

К сожалению, я истратил большую часть полученных мною от мисс Джуд денег, а оставшая сумма была слишком мала для того, чтобы предпринять что-нибудь решительное, потому что я и был в непрерывной меланхолии; сделался равнодушен к моим занятиям, от чего и наружность моя переменилась; к счастью, один случай избавил меня от этого состояния и доставил мне свободу в действиях.

Глава VII

Был торговый день. Толпы народа проходили мимо нашей лавки, суетясь, как обыкновенно. Но вдруг на улице послышался шум, крик, гам. Одни куда-то бежали, другие, выпучив глаза и разинув рты, стояли, будто окаменелые. Мы с Тимофеем любопытно поглядывали, и что же видим: разъяренный бык, крутя головой и хвостом, лягаясь, прочищает себе дорогу. Кофагус, стоя у окна, самодовольно рассчитывал предстоящие выгоды, но, не довольствуясь заочной сметой, выбежал на улицу поглядеть, далеко ли ушел благодетельный бык. Нужно заметить, что если люди чувствуют опасность, то всегда почти стараются избежать ее, в Англии же, напротив, сами бегут к ней, чтобы только удовлетворить свое любопытство.

Кофагус, зная хорошо эту черту англичан и видя, что народ бежит, предполагал, что бык еще далеко, и стал делать свои замечания, говоря:

– Не могу сказать... страх... гм... Пледжид близко отсюда... гм... выгоды все ему достанутся... раны, контузии... и так далее.

Но вдруг бык напал на Кофагуса и прежде, нежели аптекарь наш мог убежать, бык схватил его на рога и швырнул в окно. Мы с Тимофеем перетащили его кое-как через конторку, но недовольный разлукой с Кофагусом бык преследовал его даже в лавке, где и нас порядком попугал. К нашему ужасу, он раза два или три пытался перескочить конторку, но ему не удалось, потому что с противоположной стороны напали на него мясники и собаки, которые дергали его за хвост, заставляя повернуться назад. Бык, фыркая с досады, бросился за ними в дверь и, выбегая, опрокинул лучшие наши весы. Когда шум немного утих, мы решились с Тимофеем поднять головы и украдкой выглядывали из-за конторки, но, заметя, что все спокойно, обратились к Кофагусу, который лежал в обмороке, весь залитый кровью.

Мы снесли его в заднюю комнату и положили на диван. Потом Тимофей побежал за лекарем, а я между тем пустил ему кровь. Вскоре Тимофей возвратился с Эбенезером Пледжидом. Мы раздели Кофагуса и стали его осматривать.

– Скверно... вывихнута плечевая кость, контузия в ноге... надобно бояться внутреннего повреждения, что я предугадываю... Да, жаль душевно моего товарища.

Но Пледжид, казалось, вовсе не был огорчен ушибом Кофагуса и продолжал исполнять свою обязанность с превеселой физиономией.

Между тем, осмотрев и завязав вывихнутые части Кофагуса, мы с Тимофеем снесли его в постель, где он через час очнулся, а Пледжид, пожав руку мне и моему хозяину, отправился домой, поздравляя последнего с чудесным его избавлением.

– Худо... гм... Иафет, худо, – говорил больной.

– Очень худо и могло быть еще хуже.

– Хуже... гм... нет, невозможно!.. Плут Пледжид!.. Он убьет меня, если сможет... вероятно, я скоро избавлюсь от него... и так далее.

– Вам он более не нужен. Теперь ваше плечо выправлено, и я могу ходить за вами.

– Совершенно справедливо, Иафет. Но как от него отделаться... придет проклятый плут... гм... я видел: глаза его блистали, он улыбался... и так далее.

В самом деле, в вечеру Пледжид опять пришел, что очень не понравилось моему хозяину; но старый друг наш продолжал свои визиты по два раза в сутки, и я наконец заметил, что Кофагус не только не противился его посещениям, а напротив, ждал их с нетерпением. Причина этого скоро открылась. Кофагус любил лечить раны других, но терпеть не мог свои, которые получил от быка; притом, накопив достаточное состояние, он хотел оставить лавку, не желая более продолжать опасных занятий. На третий день после этого ужасного приключения он намекнул о своем намерении Пледжиду, который, очень хорошо зная выгоды места, старался поддерживать его мнение в свою пользу. И так как собственные выгоды превращают

не только дружбу в ненависть, но даже и ненависть в дружбу, то и все неприязни между Кофагусом и Пледжидом были забыты менее нежели в десять минут, и они уже говорили друг другу: «Дорогой Пледжид»... гм... и так далее, «милый Кофагус».

В три недели все было уже между ними кончено. Лавка и вся принадлежность ее – склянки, лекарства и инструменты – сделались собственностью нашего врага.

Но хотя хозяева, казалось, и совершенно уже поладили, однако отношения их подчиненных не переменились. Мы все еще почитали себя врагами, и более, нежели когда-нибудь; так как мы с Тимофеем не могли быть причислены к принадлежностям лавки, то Кофагус и не включал нас в договор. Но зато делал со своей стороны все, что мог. Он рекомендовал нас Пледжиду, который, помня мои остроты на его счет и битву Тимофея, поспешил скорее согласиться на условия Кофагуса, и очень учтиво сказал нам, что мы ему совершенно не нужны. Когда настал день сдачи лавки, Кофагус обещал найти мне другое место при первом удобном случае, а между тем подарил мне двадцать гиней в знак того, что он умел ценить мое поведение. Сумма эта побудила меня привести в исполнение давнишние планы мои, и я, поблагодарив Кофагуса за предложение, сказал ему, что имею другие намерения, и вместе с тем просил сказать место будущего его жительства; но он, сам не зная, где будет жить, обещал оставить мне свой адрес в воспитательном доме. После чего, пожав мне дружески руку, позвал Тимофея, которому дал пять гиней, и, пожелав нам счастья, простился с нами.

– Что ты станешь делать теперь, Иафет? – спросил меня Тимофей, когда мы вошли в лавку.

– Что делать? Я должен расстаться с тобою, и это, признаюсь, меня весьма огорчает. Я хочу искать моего отца.

– Мне тоже жаль тебя оставить, но у меня на сердце лежит еще другое горе, это *начала*, – сказал он, указывая на железную ступку. – Зачем бык не изломал ее рогами... О, если бы он хоть вполовину столько ненавидел ее, сколько я, то, наверно, бы не оставил и кусочка. Да, прежде нежели я расстанусь с этим местом, отомщу ей как-нибудь непременно.

– Ты повредишь этим только Кофагусу, которому не заплатят за нее.

– И то правда, а он ведь только что дал мне пять гиней. Так и быть, я удержу справедливый свой гнев. Но теперь, Иафет, поговорим с тобою. Я не знаю, что ты чувствуешь, а мне кажется, что я никогда не смогу расстаться с тобой. Но это привязанность, а не желание отыскать своего отца, как у тебя. Люди говорят, что дети, которые знали отцов своих, умны; я не знаю, был ли у меня отец, но нет сомнения, что мать моя существует, и хотелось бы мне ее найти. Если тебе не противно мое общество, то я пойду с тобою, не забывая, однако, что ты был почти доктором, а я весь свой век разносил лекарства.

– В самом ли деле хочешь ты идти со мною, Тимофей?

– Да, Иафет, хоть на край света я готов идти с тобою как твой товарищ, друг и слуга, если ты будешь этого требовать. Я люблю тебя, Иафет, и буду тебе служить верно.

– Я не могу нарадоваться на тебя, дорогой мой... Итак, у нас все будет общее. Если когда-нибудь судьба наделит меня счастьем, то я постараюсь поделиться им с тобою.

– И если судьба закапризничает, то я вместе буду с тобой делить и горе. Итак, дело кончено. Но вот идут ученики Пледжида, и чем скорее мы уберемся отсюда, тем лучше.

Через полчаса все было готово. Две маленькие связки составили все наши пожитки. Гордо прошли мы через лавку, не обращая внимания на наших наследников. Но Тимофей не мог утерпеть, чтобы не сжать кулака, посмотрев на железную ступку. Мы вышли на улицу и глядели по сторонам, не зная куда идти.

– Куда пойдем мы, Иафет? На запад, на восток, на север или на юг?

– Мудрецы пришли с востока, – ответил я.

– Значит, они шли на запад, – заключил Тимофей. – Пойдем же и мы по их дороге и тем покажем нашу премудрость.

– Я согласен.

Проходя мимо лавочки, мы купили две большие палки, которые могли бы нам служить как для защиты, так и для того, чтобы вешать на них свои узелки. Снарядившись таким образом, мы отправились бродить по белу свету.

Глава VIII

Я полагаю, что самое полезное дело перед путешествием – сосчитать в кармане свой капитал, что мы и не забыли сделать с Тимофеем; капитал наш состоял из двадцати двух фунтов, восемнадцати шиллингов, пяти гиней, данных Тимофею Кофагусом, и трех полупенсов, которые спрятал он в своей жилетке; все это вместе составляло двадцать восемь фунтов, три шиллинга и три полупенса, а владея подобной суммой, мы полагали ее достаточной для начала нашего путешествия. Денег этих, заверил я Тимофея, достанет нам надолго, если мы будем их поберечь.

– Да, – ответил он, – но не худо бы поберечь нам и ноги, а то мало что устанем, да останемся еще и без сапог. Итак, мой совет был бы взять извозчика.

– Извозчика? Что ты это, Тимофей, да нам и думать нельзя об этом; ты знаешь, карман наш слишком беден для подобных издержек, да притом и устать тебе некогда было, мы только что миновали угол Гайд-Парка.

– А я все-таки думаю, что лучше ехать, чем идти! Да вот, кажется, едет кто-то. Когда я разносил лекарства и запаздывал, смотря на карикатуры, то почти всегда ездил, конечно, на шарамыжку.

Теперь только я понял, что хотел сказать Тимофей; он советовал вскочить на запятки и таким образом ехать даром; а так как это было выгодно для нашего кармана, то я согласился на его предложение, и мы вскоре сели на запятки одного из экипажей, проезжавших мимо нас, который внутри весь был полон людьми.

– Я нахожу, – сказал я, – что единственная разница между сидящими внутри и снаружи та, что тот, кто сидит внутри, платит деньги, а снаружи – едет даром; не правда ли?

– Это зависит от обстоятельств, – ответил Тимофей. – Если нас увидят, то не только даром мы совершим путешествие, но еще нам заплатят за одолжение.

– А чем, ты думаешь?

– Кнутом, я полагаю.

Только что Тимофей окончил свое рассуждение, как что-то длинное извилось, как змий, и просвистело мимо наших ушей и глаз. Мы после догадались, что это был кнут; какое-то завистливое маленькое существо, увидев нас с Тимофеем занявшими места на запятках, указало на нас кучеру.

Не желая получить благодарности за безденежный проезд, мы поспешно соскочили и пошли пешком, проехав уже около трех миль.

– Когда стемнеет, опять сядем в какую-нибудь телегу, – сказал Тимофей, – а теперь пройдемся немного.

– Но за телегу надо будет заплатить.

– Так, но все-таки мы будем в барышах. Если остановимся в трактире, тогда надобно будет заплатить и за комнату, и за ночлег, да еще, пожалуй, и за ужин, и за все дороже, нежели в мелочной лавке, а за шиллинг мы проедем всю ночь.

– Ты говоришь правду, Тимофей, надобно посматривать, чтобы не пропустить какой-нибудь телеги.

– Об этом нечего заботиться, ночью от них не отобьешься.

– Но вот мы входим в Бентфорт, и я не знаю, как ты, а я так думаю, что путешествие пешком удивительно возбуждает аппетит.

– Об этом-то и я хотел сказать; нечего греха таить, проголодался. Э, да вот посмотрите-ка, как соблазнительна жареная свинина, выставленная на окне этой лавочки. Войдем в нее; это будет лучше, нежели идти в гостиницу и тратить попусту деньги.

Мы зашли в нее, купили на шиллинг добрую порцию закуски, горчицы и соли и, завернув покупку нашу в бумагу, продолжали путь далее. Потом, встретив на дороге булочную, купили хлеба и сели чинно на скамейку против постоянного двора, откуда по нашему требованию подали бутылку пива. Выставив провизию, мы принялись за нее с большим удовольствием, тем более, что мы были уверены, что едим свою собственность. Окончив жаркое и пиво, мы отдохнули, а потом опять пустились в дорогу, продолжая наше путешествие, пока совсем не смерклось; но тут ноги наши уже совершенно ослабли, и мы, положив узелки, улеглись на них и ожидали первой попутной телеги. Скоро послышался колокольчик, и вслед за тем показалась огромная крытая телега. Мы подошли к извозчику, сидевшему на маленькой лошади, и спросили, что он возьмет за провоз двух бедняков в своей телеге.

– А сколько вы дадите, господа? Бедняков-то много на свете, и я не богаче вас.

– Мы можем тебе дать шиллинг, – ответил я.

– Ну, так с Богом, садитесь сзади.

– Много ли здесь народу? – спросил я, влезая в телегу, между тем как Тимофей подавал наш узелок.

– Никого нет, – сказал извозчик, – один только аптекарь или доктор – Бог его ведает, не знаю, а должно быть ученый человек: вишь, все говорит-то про ученое, так что иногда и не поймешь его, – да с ним еще мальчик... Да что места-то вдоволь, соломы также много, катайся себе во все четыре стороны.

Узнав эти подробности, мы влезли в телегу и, действительно, нашли в ней много пустого места и закопались в солому, чтобы не столкнуться с нашими соседями. Не имея охоты спать, мы начали разговаривать вполголоса и продолжали так более получаса, полагая по тишине, которая царствовала в нашей телеге, что все другие путешественники спали; но наш одинокий разговор вдруг был прерван громким голосом.

– Кажется, что вы путешественники, господа, но не знаете сами, куда едете. Когда ночь покрывает землю, птицы возвращаются в свои гнезда, животные – в свою нору, а люди запирают двери. «Propria quoe maribus», – как говорит Геродот, что, если перевести, значит: «Такова натура людей». «Tribunlur mascula dicas. Скажите мне ваши злключения», – как говорит Гомер.

Этот разговор меня очень удивил. Услышав латинские возгласы, которые он извлек из грамматики этого языка, я тут же узнал, что он хотел выказать свою ученость из одного шарлатанства. В его словах было что-то забавное, в чем он казался очень оригинален и вместе с тем заставлял принимать себя за какую-нибудь необыкновенную особу. Помолчав немного, я толкнул Тимофея локтем, приглашая принять участие в разговоре, и потом ответил:

– Вы угадали, мы точно, путешественники, только ищущие счастья, которое и надеемся найти, хотя путь, избранный нами, довольно труден. «Haustus hora somni samendus», – как говорит Аристотель; этого я не смею переводить для столь ученого мужа, как вы, которому нет ничего непонятного и который не нуждается в истолковании подобных мест.

– Ваша правда, экспликации для меня бесполезны; я все постигаю собственным умом; притом очень рад встретиться с людьми, знающими латинский язык, – говорил наш новый знакомец. – Может быть, вы тоже понимаете по-гречески?

– Нет, по-гречески я не говорю.

– Очень жаль. Мне было бы весьма приятно потолковать с вами и на этом диалекте. Эскулап говорит: «Ashalder-affmation-accaron-pastivenison». Эту фразу я вам передам следующими словами: «Мы часто находим то, о чем не думаем». Желал бы я, чтобы и с вами случилось то же. Но где вы воспитывались и чем занимались?

Полагая, что неопасно сказать ему правду, я удовлетворил его любопытство, сказав, что был воспитан в училище, а потом исполнял должность аптекарского провизора.

– Итак, вы начали учиться и приобретать ваши познания в моей знаменитой специальности. Но вам еще остается узнать многое. Во-первых, вам надо провести несколько лет с каким-нибудь ученым мужем, чтобы достигнуть учености, подобной моей. Много тайн в природе еще не открыто. *Ut sant Didorum, Mars, Bacchus, Apollo, Virorum...* Надо посетить многие страны земного шара. *Ut Cato, Virgilius, Fluviorum, ut Tibris, Orentes*. Я был во всех этих местах и сверх того во многих других. Цель теперешнего моего путешествия состоит в том, чтобы на высотах Андских гор собирать лекарства, когда луна будет в самом близком расстоянии от земли. Там я останусь на несколько месяцев среди облаков, где голос человека не слышен, – *Vocito, vocitos, vocitavi*, – где я буду ходить, наклонив голову к земле, – *as in proesenti*, – перенося холод. «*Frico quod fricui dat*», – как учил Евсевий. Но сколько трудов и опасностей может случиться при приобретении этих познаний, которым я посвятил себя единственно из любви к ближним!

Обязанность, которую он возложил на себя, показалась мне довольно странной.

– Очень рад сопутствовать вам в этом путешествии, – ответил я. – Иосиф говорит справедливо, что *cariat pilulae duae post prandium*. Лучшее занятие – путешествие.

– Я тоже хотел бы с вами ехать, – прервал Тимофей. – Сверх того, мы уже совершили огромное путешествие, а именно: сделали три мили за каретой, десять пешком и вот около восьми миль, думаю, проехали в этой телеге. Кофагус говорит: «*Trea Cochlearicrasce mani sumenda*», то есть: «В свете есть высокое и низкое».

– Как, – вскричал наш спутник, – и он имеет познания в латыни?

– Я, кажется, совсем от нее отделался, – ответил Тимофей.

– Он также с вами едет? – спросил меня незнакомец.

– Если я не забегаю вперед, то мы две собаки на одной своре, – продолжал Тимофей.

– Понимаю, вы товарищи. *Concordat cum nominativo, numero et persona*. Скажите мне, пожалуйста, умеете ли вы перетирать лекарства в ступке, готовить их окончательно и делать пилюли?

Я ответил ему, что это было всегдашним моим занятием, а потому я знаю толк в этих вещах.

– Так как нам остается еще несколько часов ночи, то мы постараемся заснуть. Когда солнце встанет, я посмотрю на ваши физиономии и скажу, можем ли мы быть друг другу полезны. Ночь есть время отдыха и, как говорит Квинтус Курциус: «*Custos, bos, fur, atque caserdos*. – Покой равно для всех создан». Итак, покойной ночи.

Глава IX

Мы последовали его совету и вскоре заснули. Наутро я пробудился, чувствуя руку, шарившую в моем кармане. Я схватил ее и не выпускал, держа крепко свою добычу.

– Пустите мою руку, – кричал какой-то плаксивый голос.

Не говоря ни слова, я сейчас же вскочил (тогда уже совсем почти рассвело) и стал осматривать особу, сунувшую руку. Это был худой, дурно сложенный молодой человек, которому, по-видимому, было не более двадцати лет, но казалось, что он вовсе не принадлежал к человеческому роду. У него было бледное длинное лицо с выкатившимися глазами, кости его щек совсем высунулись, а к голове, покрытой длинными крепкими волосами, как щетиною, были приклеены огромные уши. Такого существа я никогда не видывал. Я долго смотрел на него с удивлением. Он повторял прежние слова с тем же глупым выражением:

– Да выпустите ли вы мою руку!

– Чего же ты искал в моем кармане? – спросил я его с сердцем.

– Я искал мой носовой платок, потому что имею обыкновение держать его в этом кармане.

– Как, в кармане твоего соседа?

– Моего соседа? – сказал он, продолжая глядеть на меня пристально, как одураченный. – Виноват, я думал, что это мой.

Я высвободил его руку, которую он немедленно сунул в свой карман и вынул из него платок, если эта тряпка заслуживала название платка.

– Вот, я вам говорил, что кладу его всегда в этот карман.

– Скажите, пожалуйста, кто вы такой? – спросил я, смотря на его одежду, которая состояла из широких белых полотняных шаровар и старой жилетки.

– Я кто? Я – дурак!

– Я думаю, вы скорее плут, нежели дурак, – ответил я, удивленный его странной фигурой и платьем.

– Нет, вы ошибаетесь, – сказал мне вчерашний ночной голос. – Он глуп от природы – это правда, но зато служит мне приманкой публики. Ум может являться и среди пороков этого света, не быв замеченным, но глупость собирает всегда кучи слушателей.

Когда он говорил, я внимательно его рассматривал. Это был человек уже в годах, с седыми волосами, носил манжеты и жабо. Глаза его были еще очень живы, но остальные черты трудно было разобрать, потому что лицо его от толчков нашего экипажа так измаралось, что на нем можно было видеть все цвета радуги. Возле него с одной стороны лежала треугольная шляпа, а с другой – закутанное в солому дитя. Тимофей смотрел на него, и когда глаза наши встретились, мы не могли удержаться от смеха.

– Вы, верно, смеетесь над моей наружностью? – спросил нас старик.

– Именно; никогда я не видал особы, вам подобной, да, думаю, и не увижу!

– Может быть; однако если вы меня в другой раз увидите, то, наверно, не узнаете.

– Из тысячи отличу вас, – сказал Тимофей с возрастающей веселостью.

– Увидим, – ответил шарлатан.

Читатели, без сомнения, догадываются, что шарлатанство было ремеслом нашего знакомца.

– Но телега остановилась, – продолжал он, – верно, извозчик хочет кормить лошадей. Если вам угодно позавтракать, то не упускайте этой минуты...

– Джумбо, пора вставать! Филотас, разбуди его и ступай за мной.

Именем Филотас мнимый доктор называл своего безумного, который, взяв несколько соломинок, свернул их и положил в рот ребенку.

– Джумбо подумает, что ему дают есть, – заметил безумный, делая гримасу. – Не сердись, Джумбо, – это моя манера будить тебя.

Приняв порцию пробудительного, Джумбо тотчас же проснулся, встал, и, не говоря ни слова, вылез из телеги и пошел за безумцем. Мы с Тимофеем от них не отставали и, дойдя до харчевни, встретили доктора, торгующего холодное мясо и хлеб, которые он раздели поровну между ребенком и Филотасом, а сам молча отправился далее, держа в зубах свою часть говядины.

Мы с Тимофеем посмеялись над ними, пошли умыться и потом за шиллинг прекрасно позавтракали. Через час извозчик готов был ехать, и мы сели в телегу, где нашли уже ребенка и Филотаса, но доктор наш еще не явился. Ожидая его очень долго и не отыскав нигде, мы отправились в путь без него. Извозчик всю дорогу бранил доктора и клялся, что заставит заплатить его товарищей и что впредь никогда не будет связываться с учеными.

Продолжая путь, я стал разговаривать с Филотасом, которого нашел действительно глупым до такой степени, что даже жалко было на него глядеть. Я забыл сказать, что Джумбо, который опять заснул, был почти так же одет, как безумец, то есть в засаленной пестрой жилетке и белых шароварах. Помолчав немного, я начал говорить с Тимофеем о докторе, о том, что он исчез и что нам это не совсем нравится, потому что он обещал нас взять с собой. Но вдруг наш разговор был прерван громким криком:

– Эй, извозчик! Хочешь ли за шиллинг довезти меня до Ридинга?

– Взлезайте, – ответил, торопясь, извозчик.

Телега не успела еще остановиться, как уже в нашем обществе очутился новый летучий спутник. Он был одет в платье английского простолюдина, кожаные панталоны и толстые башмаки, имея притом в руке узелок и палку. Он, то есть новоприбывший, улыбнулся, взглянув на наше общество, и выказал свои прелестные белые зубы; на загорелом же лице его выделялись резко большие черные глаза.

– Мне кажется, что это фигляры, – сказал он, показывая на товарищей доктора. – А вы, господа, издалека ли едете? – спросил он у нас.

– Из Лондона, – был мой ответ.

– Что, каков там урожай на репу? Здесь она нынешний год вся почти пропала от засухи.

– Я не могу удовлетворить вашего любопытства на этот счет, потому что мы ночью проезжали окрестности.

– Это правда, я и забыл. Но по крайней мере, какова рожь? Да вы, может быть, не занимались земледелием?

Я ему признался в моем неведении по этой части промышленности, и таким образом у нас завязался разговор о другом предмете, который не умолкал часов около трех. Я ему рассказал о шарлатане-докторе и о том, каким странным образом он от нас исчез.

– Я пари держу, что это, наверно, тот самый чудак, который вылечил в наших местах столько народу, – ответил он, и мы начали говорить об его искусстве и образе жизни.

– Уверяю вас, что мы его опять встретим, но только узнаете ли вы его?

– Как не узнать, – ответил Тимофей.

– Ну, положим, что так; а вот различите ли вы деньги, которые я вам покажу?

– Различим, – сказали мы оба.

– Увидим, ошибаетесь ли вы, или нет.

И он вынул из кармана две монеты: гинею и фарсинг; положил одну из них мне в руку, а другую – Тимофею и велел их крепко сжать кулаками, зажмуриться на минуту и не открывать глаз, что бы ни случилось.

Едва мы исполнили все его приказания, как услышали голос, который сейчас же узнали.

– Эй, извозчик! Что это ты уехал без меня, когда я тебя сторговал за деньги? В мои лета, знаешь, не так-то легко ходить пешком. «Excipienda tamen quaedam stint urbium», то есть: «В старости ноги слабеют, и нельзя на них ходить без костылей».

– Вот и доктор! – воскликнул Тимофей с зажмуренными глазами.

– Теперь открывайте глаза, но не кулаки, и прежде скажите, что у вас в руках.

– Фарсинг, – ответил Тимофей.

– Гинея, – ответил я.

Мы разжали руки, но в них ничего не было.

– Что за черт, где же деньги? – воскликнул я, смотря на Тимофея.

– Где доктор? – спросил он с таким же удивлением.

– Деньги у доктора в кармане, – ответил наш спутник, улыбаясь.

– Где же карман доктора? – спросил его Тимофей.

– Здесь, – говорил он, хлопая по своим панталонам. – Вот вы также думали узнать и доктора, как эти деньги.

И, к нашему удивлению, он опять заговорил совершенно голосом доктора и с такими же отрывками из примеров латинской грамматики. Мы с Тимофеем все еще удивлялись, а он, приняв настоящий свой голос, продолжал:

– Если бы я не знал, что вы хотите получить какое-нибудь место, и если бы не имел в вас нужды, то не открылся бы перед вами. Итак, хотите ли поступить ко мне? Работой вы не будете обременены, а платой останетесь довольны.

– Но можем ли мы быть уверены, что наша должность не будет иметь ничего бесчестного? – спросил я.

– Будьте покойны, сомнения ваши на этот счет исчезнут совершенно. Я, как и все купцы, стараюсь как можно более выручить с капитала. Я пользуюсь человеческой глупостью, чем живут обыкновенно умные люди.

Тимофей толкал меня локтем и моргал, чтобы я согласился на предложение доктора. Подумав несколько секунд, я наконец подал ему руку, говоря, что согласен, но только на сказанных условиях.

– Вы не будете раскаиваться; я также возьму и вашего товарища и более для вас, нежели для себя. Мне нужен человек хорошей наружности, ловкий и с вашими познаниями. Но теперь мы не станем более говорить об этом. Кстати, хорошим ли латинским языком мы изъяснялись?

– Нет, – ответил я смеясь, – вы мне говорили слова, помещенные в грамматике, а я выбирал все из медицинских книг, так что одно другого стоило.

– Так лучше употреблять фразы из грамматики, нежели ваши, которых ученики не понимают. – И, помолчав немного, он продолжал: – Я думаю, что на следующем перекрестке мы должны остановиться. Впрочем, мы сейчас же узнаем это.

В это время подошел к телеге черный, как цыган, человек и стал говорить с нашим новым знакомым на неизвестном для нас языке, и, что-то сказав, исчез. Через четверть часа после этого доктор вышел из телеги и велел нам следовать за собой, шепнув несколько слов безумцу, которых я не расслышал. Филотас и ребенок остались в телеге.

Расплатившись с извозчиком, мы взяли наши узелки и последовали за таинственным незнакомцем, который через несколько минут, остановившись, сказал нам:

– Я пойду вперед и приготовлю своих друзей к вашему приему, вы же продолжайте идти все прямо, пока не встретите печи, где обжигают гипс, и там меня подождите.

Он перескочил через забор и вскоре исчез из виду.

– Право, Тимофей, не знаю, что и думать об этом, – сказал я. – Хорошо ли мы сделали, что доверились этому человеку? Мне кажется, это большой плут и притом цыган, с которым бы я не хотел жить.

– Что же мы могли сделать лучшего? – ответил Тимофей. – Надобно чем-нибудь в свете жить. Он шарлатан. Это правда, но я не нахожу тут много дурного; большая часть людей верит им более, нежели настоящей медицине, да, впрочем, и лекарства шарлатана вылечат не менее настоящих.

– Правда, что, действуя на воображение, скорее можно вылечить, нежели лечя тело. Впрочем, ты думаешь, что он только этим и обманывает?

– Обманывает или нет, я не знаю, а думаю, что он больше ничего от нас не потребует.

– Я в этом не уверен, а впрочем, увидим. Если бы мы не были ему нужны, то он бы нас не взял к себе. Тайну эту мы скоро разгадаем.

Глава X

Когда мы пришли к печке, о которой он нам говорил, то сели на свои узелки и разговаривали около пяти минут, пока наш новый знакомец не явился, неся с собою что-то завязанное в платке.

– Снимите ваши платья и наденьте вот эти, в которых вы лучше будете приняты в моем кругу. Теперь собирается табор, где есть люди, на которых я не могу совершенно полагаться. Но вам нечего бояться; со мной и моей женой вы в совершенной безопасности, ее маленькие пальчики защитят вас от пятисот человек.

– Ваша жена? Да кто она? – спросил я, надевая новое платье.

– О, это важное лицо между цыганами. Она по происхождению начальница всего табора.

– А вы – тоже цыган?

– И да, и нет. По рождению я не принадлежу к ним, но по жизни и женитьбе – цыган. Но я не родился с ними в поле, могу вас уверить, хотя и провожу теперь большую часть ночей на открытом воздухе; не думайте также, чтобы я вас оставлял здесь надолго: через несколько же дней табор разойдется, и в продолжение многих месяцев никого из них не увидите, кроме моего семейства. Притом я вас звал не для того, чтобы проводить всю жизнь с цыганами, напротив, мы должны быть деятельны. Но вот мы сейчас придем к нашему месту, и вы не говорите ничего, пока не дойдете до моей палатки. Там можете расположиться и делать, что угодно.

Мы свернули с дороги и, пройдя небольшое ущелье и лесок, очутились в довольно странном месте, где было разбито около тридцати цыганских палаток. Везде раскладывали огни и готовили пищу. Мы прошли мимо десятка таких палаток, не говоря ни слова, по совету нашего спутника, который довел нас до самой большой из них и вошел в нее, оставив нас одних. Мы с Тимофеем стали осматриваться и увидели возле себя Филотаса, одетого так же, как и мы, и Джумбо, занятого раздуванием огня под горшком. Множество цыган проходило мимо нас, и некоторые из них глядели с каким-то странным выражением. Между тем мы очень были рады, когда наш спутник воротился из палатки. Он вел за собой женщину, с которой говорил по-цыгански. – Натте желает сама вас встретить, – сказал он, приближаясь к нам.

Никогда не изгладится из моей памяти наружность этой женщины и действие, какое она произвела на меня своим появлением. Она была очень высока и казалась бы еще выше, если бы сложение ее не соответствовало ее росту. Она имела овальное лицо оливкового цвета, огненные и черные, как смоль, глаза, прелестный прямой и греческий нос, маленький рот, тонкие губы с едва заметным выражением гордости, зубы белые, как жемчуг, и ноги такие же крошечные, как и руки. На пальцах у нее были какие-то древние кольца, а на лбу висело золотое украшение. Она взглянула на нас, опустила голову на руку и, сделав знак другой рукой, сказала приятным голосом: «Милости просим». Потом, обратись к мужу, сказала ему что-то на своем наречии и удалилась от нас на несколько шагов.

Вскоре она опять к нам подошла, но без мужа и повторила тем же приятным голосом, как и прежде, но с большей решимостью:

– Я вам сказала уже, что рада вас видеть; садитесь и делите с нами все, что мы имеем... Вам нечего бояться... Будьте верны моему мужу, пока намерены служить ему; если же захотите оставить нас, то сперва скажите об этом, и вы сейчас будете отпущены; но если уйдете без ведома, то мы сочтем вас за своих неприятелей, а потому и поступим с вами, как следует поступить с людьми такого рода. Вот ваше жилище, покуда мы здесь останемся, – сказала она, показывая на соседнюю палатку, – с вами будет только Джумбо, который может лежать у ваших ног... Флита, где ты?

Тонкий детский голосок ответил ей из палатки, откуда вскоре вышла девочка лет одиннадцати. Дитя это с первой минуты приковало меня к себе. В ее наружности было что-то

очаровательное. Лицо белое, как первый снег, каштановые волосы, прелестные голубые глаза; коротенькая юбочка оставляла незакрытыми две маленькие ножки. Она подбежала к Натте и, сложив крестом руки, сказала: «Я здесь».

– Вот тебе еще друзья, Флита. Да вели лентяю Нуму (так называла она Филотаса) принести дров, а Джумбо скажи, чтобы посмотрел за огнем.

Натте улыбнулась и оставила нас одних. Я заметил, что она пошла туда, где сорок или шестьдесят человек цыган собрались и очень серьезно разговаривали. Она села между ними, и все с нею обходились с большим почтением. Между тем Нум принес дров, Джумбо раздул огонь, а мы с Тимофеем помогали Флите чистить овощи, которые она клала в котел. Кончив свою работу, Флита села возле нас, загладив назад свои длинные волосы, которые падали ей на лицо, и смотрела то на меня, то на Тимофея. – Кто дал тебе твое имя, Флита? – спросил я ее.

– Они, – ответила она.

– Кто они?

– Натте и Мельхиор, ее муж.

– Но ты не их дочь?

– Нет... то есть, я думаю, что не их.

Тут девочка остановилась, испугавшись, что слишком много сказала. Она потупила глаза и опять сложила руки накрест.

– Ее, верно, украли, – шепнул мне Тимофей.

– Тише, – ответил я ему.

Но Флита услышала, что он сказал; она взглянула на него, приложила палец ко рту и потом посмотрела на Нума и Джумбо, которые сидели от нас в нескольких шагах. Тут она мне еще более понравилась, и я начал всматриваться в ее прелестное личико, носившее на себе отпечаток меланхолии. Видно, что она находилась в какой-то неволе, хотя Натте и была с нею очень ласкова.

Грустное же выражение ее лица, может быть, было врожденное, и я долго после нашего знакомства не видал на лице ее улыбки. Вскоре после нашего разговора Натте возвратилась, приближаясь к нам со всей важностью коронованной особы. Супруг ее, или Мельхиор, как я теперь буду называть его, вскоре также пришел к нам, и мы все вместе сели обедать. Обед был чудесный и состоял из множества разных вкусных блюд, так что я не знал, за что и взяться; на моей тарелке попеременно являлись то цыпленок, то рябчик, то кусок баранины и множество других лакомств, о которых я не имел понятия. И все это было приправлено всевозможными овощами, между коими картофель занимал первое место. Вечером я долго разговаривал с Мельхиором, но, чтобы не наскучить читателям подробностями, я расскажу здесь все, что теперь и после узнал про табор народа, к которому попал.

Мельхиор же не хотел мне сказать, кто он и каким образом попал к цыганам; но несколько раз давал заметить, что провел свою молодость не в низком сословии, а что или из любви к Натте, или по какой-нибудь другой причине он пристал к цыганам. Несколько уже лет он жил с этим народом, который его хотя и не так высоко ценил, как жену его, но через нее и по собственным достоинствам он был почти так же уважаем, как и Натте. Мельхиор и Натте почитались богаче всех цыган, зато они были и самые щедрые. Мельхиор выручал деньги тремя способами: шарлатанством в докторском искусстве, фиглярством и предсказанием будущего.

Натте, как я прежде сказал, занимала самое важное место в таборе.

Но в первое время своего замужества с Мельхиором она много потеряла своей власти, потому что женитьбу почитали унижением для нее. Воображаю, какой необыкновенной красоты она была тогда! Ловкость Мельхиора и ум этой женщины вскоре поставили ее на то же величие и еще более заставили уважать ее, нежели прежде, чем она и увеличила свою власть.

У Мельхиора не было детей и, судя по словам Натте, они даже и не хотели иметь их, потому что табор почитал бы их происшедшими не от чистой цыганской крови. Часть народа,

находившегося всегда при Натте, состояла из сорока человек – мужчин, женщин и детей, которыми она управляла в отсутствие Мельхиора. Где бы ни находился ее муж, Натте раскидывала свои палатки всегда вблизи от него, чтобы иметь непрерывное с ним общение. Раз я спросил Мельхиора о происхождении Флиты, и он мне сказал, что она солдатская дочь, что мать её умерла на дороге, идя к своему мужу, и что Натте, проходя по тому месту со своими служителями, похоронила ее, а девочку взяла с собою, не зная, где найти отца ее.

Между тем Флита подружилась со мною и была почти во всем откровенна. Расспрашивая ее о родителях, я рассказал ей все, что мне об этом говорил Мельхиор; но она обиделась и говорила, что не хотела бы никому поверить эту тайну. Бедный ребенок был уже опытен и в эти лета. После, когда мы сошлись еще ближе, она сказала мне, что Мельхиор говорил неправду. Флита помнила, что жила в большом доме, хорошо убранном, но все это явилось к ней как будто во сне. В ее воображении мелькали какие-то лошади... Потом дама, которую звали ее матерью... Вишневое дерево, под которым она запачкала свое платье. Иногда она вспоминала и другие предметы, но рассказать о них точно не могла.

Из этого можно было заключить, что Флита была украдена и происходила от богатых родителей. Если ее красота была ручательством знатного рода, то она должна была принадлежать к высшему кругу.

Всегдашняя жизнь с цыганами и природный ум сделали ее чрезвычайно осторожной, но зато воспитание ее ограничивалось только тем, чему выучил ее Мельхиор, с которым находилась она во всех фиглярских его представлениях: танцевала на натянутой корде, бросая вверх апельсины, и прочее. Когда же Мельхиор выручал деньги другим способом, тогда она оставалась, обыкновенно, при Натте.

О Нуме, или Филотасе, как Мельхиор его называл, я уже говорил. Он был найден Мельхиором в одном его путешествии, и все, что он мне о нем рассказывал, я увидел действительно на опыте. Когда Филотас являлся на сцене и отвечал на вопросы глупости, то народ аплодировал ему, смеялся и думал, что надо иметь много ума, чтобы говорить такую бессмыслицу.

Даже в харчевнях и трактирах, где мы останавливались, все его считали за редкого человека. Невозможно себе представить физиономии плачевнее несчастного Филотаса, которую, как многие думали, он употреблял для того, чтобы казаться смешным; но она была в нем натуральна; он строил гримасы безо всякой цели, но это было причиной его успехов в народе. Джумбо был также найден на дороге, и Мельхиор говорил, что если кто его потребует, то сейчас получит удовлетворение; он так же, как и Нум, кувыркался на сцене и для забавы зрителей ел пудинг. Последнее исполнял в точности, потому что он довел эту часть мимики до совершенства, упражняясь весь день в еде и спанье.

Изобразив всех моих новых товарищей, я должен передать вам разговор, который я имел на следующий день моего прибытия к цыганам. Он заключался в том, что Мельхиор мне коротко описал все отрасли своей промышленности, говоря, что я буду ему полезен в его фиглярских выходках, для чего и хотел меня выучить всем изворотам плутовства.

Как сведущий в докторском искусстве, я мог хорошо составлять микстуры, делать пилюли и так далее, чем поддерживал бы его влияние на публику, и в этом отношении, желая иметь меня участником в своих предсказаниях, он хотел передать мне все тайны их и растолковать их, как должно. Словом сказать, ему был нужен человек хорошей наружности, получивший порядочное воспитание, и на которого он мог бы положиться вполне. Тимофей также мог быть употребляем во многих случаях, но преимущественно Мельхиор хотел его выучить разным кувырканиям и играть дураков в пьесах, требующих хитрых ответов, чтобы иногда заменять Нума.

Мы с Тимофеем согласились на все условия, которые нам предъявляли, и таким образом взаимные дела наши были скоро решены, причем Мельхиор заметил, что хотя и не было положенной платы за наши труды, но мы не останемся без выгод.

Глава XI

Мы не успели еще провести и трех дней между цыганами, как табор их разделился на несколько частей, из коих каждая отправилась в свою сторону. Какие были причины этого события, я узнал только после. Они определяли места, где каждая часть должна проводить следующий год, как для того, чтобы не вредить одна другой близким расположением, так и для того, чтобы иметь постоянное сообщение в случае общей нужды. Кроме этого, они рассуждали еще о многом, скрывая от меня остальное как от чужого. Мельхиор, казалось, на все мои вопросы отвечал с откровенностью, но обман был ему так сроден, что невозможно было заключить, говорил ли он правду, или нет.

Наша часть отправилась так же, как и другие, и расположилась на опушке дубового леса в двух милях от прежней позиции. Пища наша состояла большей частью из дичи и рыбы, потому что у нас было много охотников, стрелявших без позволения на чужих дачах; рыбу же ловили, бросая в воду какой-то порошок, от которого она всплывала наверх в большом количестве. Сверх этого в нашем котле варилось еще множество других снадобий, которые лучше есть, нежели распознавать.

Палатки наши мы разбивали обыкновенно подле воды, в которую при обысках прятали провизию, где она и лежала до тех пор, пока не попадала в котел, в котором находилась уже в безопасности. Но мы с Тимофеем не принимали никакого участия в фуражировках и ели, не спрашивая, каким образом что доставали.

Большую часть времени я проводил с Мельхиором, который учил меня всем таинствам своего ремесла, то есть подтасовывать карты, передвигать их и тому подобным вещам. Занимаясь этим по нескольку часов, я сделал большие успехи, и к концу месяца Мельхиор считал уже меня достаточно образованным в этом искусстве. Между тем Тимофей имел также свой курс гимнастики; весь день он прыгал и кувыркался до тех пор, пока не мог встать на ноги. Так как он был ловок и развязен, то вскоре и сделался самым искусным фигляром – выучился прыгать вперед и назад, ходить на руках, есть огонь, вытаскивать изо рта ленту и еще полусотне тому подобных штук. Джумбо также должен был трудиться; Мельхиор томил его до тех пор, пока он не удовлетворял требованиям; даже сама Флита беспрестанно училась, и это приготовление происходило потому, что мы скоро имели намерение предпринять важную экспедицию. Мельхиор, желая явиться свету во всем блеске, отправился на три дня за покупкой нового платья, которым снабдил не только нас, но и все наше общество. Вскоре, простившись с Натте и с другими цыганами, мы все, то есть Мельхиор, я, Тимофей, Флита, Нум и Джумбо, отправились в путь. Поздно вечером мы пришли в городок и остановились в трактире, с хозяином которого Мельхиор уже условился.

– Ну, Тимофей, как ты находишь новую жизнь? – сказал я, ложась спать.

– Все же лучше, чем у Кофагуса, и особенно лучше, нежели разносить лекарства. Но тебе как нравится она, Иафет? – ответил Тимофей.

– Правду сказать, эта жизнь мне не совсем противна. В ней что-то вольное, беззаботное, что я ужасно люблю. Не знаю, долго ли она протянется, но могу сказать, что год или два мы можем быть счастливы. Во всяком случае, мы узнаем свет и будем знать несколько способов добывать пропитание.

– Это так, но одно у меня лежит на сердце; нам трудно будет оставить цыган, если мы захотим этого. Притом мы теряем из виду предмет, для которого предприняли путешествие, именно: отыскать твоего отца.

– Я никогда и не думал найти его между цыганами, которые воруют детей у других, а потому и трудно предположить, чтобы они оставляли своих в воспитательном доме. Но я полагаю, что теперешняя наша жизнь всего более способствует цели нашего путешествия: будучи

предсказателями, мы можем узнать много тайн. Но будущее впереди. Мельхиор говорит, что он примется за это ремесло, коль скоро наберем денег первым.

– А какое теперь имеешь ты мнение о Мельхиоре? Мы с ним уже давно живем, – спросил Тимофей.

– Я думаю, что он человек безо всяких правил, но между тем у него много и добрых качеств. Кажется, он находит удовольствие в обмане, для которого готов поссориться со всем светом. Но между тем он добр, великодушен, доверчив в некоторых случаях и, в заключение, прекрасный муж. Но у него есть что-то на сердце, что его вдруг опечаливает среди веселья, как темное облако, затмевающее солнце. Я также думаю, что он не совершит теперь никакого большого преступления, хотя за прошедшее время я и подозреваю его, и видно, как по временам находит на него раскаяние.

– Ты, как мне кажется, Иафет, очень хорошо судишь о людях. Но кто этот маленький ребенок?.. Эта Флита? Она, кажется, может спрашивать вместе с тобой: «Кто мой отец?»

– Да, мы оба в одних обстоятельствах, и это увеличивает мою к ней привязанность; мы как брат с сестрой в несчастья, и я думаю, она останется навсегда моею сестрой, если Провидение позволит. Впрочем, нам завтра надобно рано вставать, Тимофей, прощай.

– Да, завтра надобно скакать, кувыркаться... гм... есть огонь... и так далее, как выразился бы Кофагус. Спокойной ночи, Иафет.

На следующее утро мы надели новые костюмы. Мой состоял из шелковых чулок, наощенных башмаков, белых кашемировых, до колен достающих, панталонов, синей шелковой жилетки, усеянной блестками, и голубого бархатного сюртука. Жилет был перетянут кушаком, а на голове – треугольная шляпа с плюмажем. Тимофей сказал мне, что я очень хорош в этом наряде, и я, уверенный в справедливости слов его, не опровергал такого лестного мнения. Сам же он был одет в белые турецкие шаровары и красную жилетку с крапинками. Нум и Джумбо были похожи на Тимофея. Флита же имела маленькие турецкие панталоны, синее кисейное платье, вышитое серебром, и сандалии, утканные шелком; волосы ее были заплетены в косы и небрежно спадали по плечам; в этом костюме она походила на маленькую сильфиду. Одежда Мельхиора была совершенно подобна моей; вообще, трудно было найти труппу лучше нашей. Несколько музыкантов были наняты, и афишки разосланы по всему городу, извещающие, что синьор Евгений Велогти с труппой будет иметь честь дать новые представления. Мельхиор нанял большую комнату в нижнем этаже трактира, который во время цветущего состояния города был назначен для собраний. Снаружи, против окна, была устроена платформа, на которой находились музыканты и куда мы также беспрестанно выходили, чтобы блеснуть своими нарядами и привлечь любопытство народа. Когда музыка переставала гудеть, Мельхиор, я, Тимофей и Филотас начинали разговаривать; после представления Мельхиор объявил, что мы отличились на этом новом поприще. Разговор наш на платформе был очень забавен.

– Сделайте одолжение, мистер Филотас, скажите нам, сколько здесь присутствующих? – говорил Мельхиор Нуму повелительным голосом.

– Не знаю, – ответил Нум, смотря обыкновенно вверх с глупым выражением своего лица.

– Ха-ха-ха! – заливалась толпа, услышав глупый ответ Нума.

– Извините его, господа, он дурак! – объявлял Мельхиор, глядя в глаза зрителям.

– Ну, если он не может этого определить, то скажите вы мне, мистер Дионисиус, – говорил я, адресуясь к Тимофею.

– Вы спрашиваете, сударь, как велико число присутствующих, но в точности ли вы хотите знать количество их?

– Да, в точности, и сейчас же.

– Как, и не считая их?

– Да, милостивый государь, не считая.

– Если так, сударь, я скажу вам безошибочно, что здесь их вдвое больше половины.

– Ха-ха-ха! – раздалось опять из толпы.

– Этого недостаточно. Сколько людей в этой половине?

– Сколько в половине? Да знаете ли вы сами это?

– Ха-ха-ха!

– Ну-ка, сэр, – продолжал Мельхиор, обращаясь опять к Филотасу, – вы, может быть, скажете мне, сколько мужчин и дам сделают нам честь своим посещением?

– А сколько, сударь?

– Да, милостивый государь, сколько?

– Право, не знаю, – отвечал заплаканный Нум после некоторого молчания.

– Утвердительно можно сказать, что нет на свете никого глупее вас, сударь, – сказал ему Мельхиор.

– Чудо, как он представляет дурака, – одобряла публика. – Что за глупое лицо он делает, – прелесть.

– Может быть, этот вопрос решите вы, мистер Дионисиус? – говорю я Тимофею.

– Да, сударь, и очень легко, и очень точно.

– Извольте же сказать!

– Во-первых, все хорошенькие женщины будут у нас, а дурные останутся дома. Во-вторых, все мужчины, имеющие деньги, также посетят нас, а не имеющие их, бедняки, должны остаться на улице.

– Теперь, сэр, кланяйтесь дамам.

– А как, очень низко или нет?

– Да, очень низко.

Тимофей нагнулся до земли и, перекувырнувшись, стал на руках.

– Это для вас, сударь, я так низко поклонился, что перевернулся наизнанку.

– Ха-ха-ха! Чудесно! – слышалось из толпы.

– Я вывихнул себе спину, – продолжал Тимофей, потирая бока. – Не перевернуться ли назад, чтобы выправить ее?

– Непременно!

Тимофей перекинулся и стал на ноги.

– Теперь опять хорошо, – говорит он, – и я уйду.

– Куда же вы идете, сэр?

– Пойду туда, где... – тут он зачмокал губами и исчез под аплодисменты зрителей.

Музыканты заиграли, и Джумбо начал выкидывать свои штуки.

Вот чем мы привлекали и увеселяли народ, и если бы не употребили столько искусства, то, может быть, и представления наши не так были бы успешны. К вечеру зал наш был полон, и синьор Велотти, то есть Мельхиор, удивлял всех. Карты, казалось, ему повиновались; он приказывал кольцам проходить сквозь дамские башмаки; растирал часы в порошок, и потом они опять являлись целые; канарейки вылетали из яиц и так далее. Все зрители были довольны, как нельзя более. Флита же заключала представление, танцуя на канате и бросая вверх пять апельсинов с такой ловкостью и равновесием, что многие акробаты позавидовали бы ей. Притом необыкновенная ее красота, молодость, развязность, меланхоличное выражение лица, потупленные глаза и благородные манеры – все привлекало публику, и когда Флита раскланивалась с нею, то восторг зрителей еще более увеличивался, и зал гремел от рукоплесканий. После подобного представления, когда все разошлись, я пошел однажды поздравить ее с успехом и, к удивлению моему, нашел ее в горьких слезах.

– Что с тобою, моя дорогая Флита?

– Ничего... Не говорите, пожалуйста, что я плакала; но я не могу снести вида столько глаз, которые на меня смотрят... Не говорите же ничего Мельхиору, я не буду больше плакать.

Я поцеловал ее и старался утешить как мог, она же обняла меня, прижавшись ко мне личиком, и мы в этом положении просидели некоторое время. Наконец она успокоилась, и мы пошли вместе ужинать.

Глава XII

Мельхиор был очень доволен мною и Тимофеем и хвалил нас, говоря, что первый дебют наш далеко превзошел его ожидания.

Между тем пять дней мы продолжали удивлять жителей города. Заметив же, что извлекли из их карманов денег, сколько возможно было, мы в прежних своих платьях и с узелками в руках отправились в другой город, лежащий в пятнадцати милях от первого. Тут нам повезло так же, как и прежде, но, чтобы не утомить читателя однообразием, скажу, что мы после шестинедельного отсутствия опять возвратились к цыганам, которые находились в пяти милях от последнего поприща нашей деятельности. Все были довольны и рады отдохнуть после трудов. Мельхиор радовался своим выручкам, а бедная Флита тому, что не будет более плясать на канате и засядет в своей палатке. Натте была довольна нашими успехами и радовалась возвращению мужа; я и Тимофей оказались полезными, и Мельхиор, стараясь выказать нам свою дружбу и щедрость, дал мне из выручки десять гиней, а Тимофею – пять.

– Вот, Иафет, если бы вы договаривались получать положенную цену, то, верно, я бы вам дал не более семи шиллингов в неделю, а теперь вы должны сознаться, что я вам хорошо заплатил за полтора месяца; все, что вы выручите, будет всегда вам отдано, и я думаю, что мы в следующее путешествие получим еще более; но нам надо кой-чем распорядиться. Хороша ли память у Тимофея?

– Кажется, хороша.

– Прекрасно; мы теперь, как я вам говорил, будем играть роль предсказателей, но тут нужна непременно помощь Натте. Завтра же мы отправимся в город, который в четырех милях от нас.

На следующее утро мы отправились с небольшой частью нашей трупы под предводительством Натте и к обеду разбили палатки на лугу вблизи города и остальной части цыган, оставшихся на прежнем месте. Вечеру я и Мельхиор, одевшись в крестьянское платье, вдвоем отправились в город, где вошли в хороший трактир и сели в общей зале. Потом велели подать пива и стали разговаривать между собой с намерением очень громко, чтобы другие могли нас слышать.

– Я никогда этому не поверю, все это плутовство и обман, – говорил мне Мельхиор. – Им хочется только обобрать карманы. Вишь, какая предсказательница; я думаю, она вам обещала богатую жену и полдюжины детей?

– Нет, этого она мне не говорила, потому что я еще слишком молод для того, чтобы жениться; но знаю, что то уже случилось, что она мне предсказала.

– Да что же она вам предсказала?

– Она сказала мне, что моя мать вышла в другой раз замуж и выгнала меня из дому.

– Но она могла это слышать.

– Каким образом? Когда она меня отроду не видала, и я ей не говорил моего имени! Нет, это невозможно. Да, кроме того, она мне сказала еще, что у меня на колене пятнышко, которое есть признак счастья. Как же она могла это узнать?

– В самом деле, странно. Но что она вам еще обещала?

– Она мне сказала еще, что встречу сегодня лучшего моего друга, а у меня всего только один друг, и тот Бог знает где. Вот это мне кажется удивительным.

– Если вы увидите вашего друга нынче же, то я поверю ее предсказаниям, а в противном случае буду уверен, что все она говорила наудачу. А что вы ей за это заплатили? Шиллинг, я думаю, а может быть, она очистила и весь ваш карман?

– Напротив, она ничего не хотела взять; я ей несколько раз предлагал, но она все отказывалась, говоря, что предсказания ее непродажны.

Все стали разговаривать между собой.

– Не знаете ли, что это за молодой человек? – говорил Мельхиор, обращаясь к нашим соседям, указывая на меня, тогда как они не проронили ни слова.

– Да кто она такая? – спросил один из них.

– Говорят, что королева всех цыган. Никогда не видал я такой чудной женщины – взоры ее, кажется, до глубины пронзают вашу душу. Я встретил ее на лугу недалеко от города, и когда она возле меня проходила, то уронила свой платок, который я поднял и отдал ей; она поблагодарила меня и сказала:

– Покажите мне вашу руку, молодой человек. О! Эти линии предвещают вам будущее счастье. – Расставаясь, она добавила: – Да благословит вас Бог ко всему доброму.

– Если она такими пожеланиями заключила свой разговор, то у нее не должно быть ничего общего с цыганами, – заметил Мельхиор.

– Удивительно, даже очень странно!.. Королева цыган отказывается от денег, – слышалось со всех сторон.

Трактирщица и служанка тоже слушали нас, разинув рты от удивления. В это время вошел Тимофей, которого мы еще прежде научили его роли. Я притворился, как будто бы его не вижу, но он подбежал ко мне, схватил мою руку с приметным удовольствием и сказал:

– Вильсон! Разве ты забыл или не узнал лучшего твоего друга Смита?

– Смит! – закричал я в изумлении, глядя ему в лицо. – Точно, он... Да как ты сюда попал?

– Вот уже третий день, как я из Дублина, но каким образом попал сюда, это такая чудная вещь, какой со мной никогда еще не случалось. Видишь, в полумили отсюда я переходил поле; вдруг какая-то высокая, прелестной наружности женщина подошла ко мне и сказала:

– Молодой человек, если вы зайдете в третью гостиницу, которую вы должны миновать, идя в город, то увидите в ней старого вашего приятеля, который ожидает вас с нетерпением.

Я подумал, что она насмехается надо мною, но так как мне все равно, в какой гостинице ночевать, то в шутку я и вздумал зайти сюда. Скажи, как могла она знать, что ты здесь и что мы давнишние друзья?

– Как странно! – вскричал Мельхиор. – Она и ему тоже сказала, что он встретит друга.

– Чудеса да и только, – слышно было со всех сторон, и слава цыганки нашей уже утверждалась.

Мы с Тимофеем сели поодаль и начали разговаривать, а Мельхиор стал ходить по зале, рассказывая каждому про необыкновенный случай.

Наконец мы все легли спать в трактире, как будто бы в самом деле были путешественники.

Слух, который мы распустили в этот вечер, заставил многих пойти к Натте, которая как будто с презрением глядела на них и не хотела отвечать на просьбы. Между тем Тимофей, живя со мною в трактире, очень коротко познакомился со служанкой, от которой и узнавал понемногу происшествия ее жизни. Я тоже, от частых разговоров с хозяйкой, получил полные сведения как о ней самой, так и о многих семействах, живущих в городе, но так как успехи предсказаний Натте зависели от количества сведений, приобретенных нами, то мы только и занимались скоплением их, чтобы с пользой употребить их впоследствии. Спустя три недели, когда слава цыганки была чудесно увеличена и сведения заготовлены, Мельхиор велел Тимофею уговорить служанку сходить к Натте и узнать о своем будущем.

Девушка эта, боявшаяся, что ей откажут от места, со страхом согласилась на предложение Тимофея, и то с условием, чтобы он вместе с нею пошел.

Тимофей посоветовал ей, когда она близко подойдет к Натте, бросить шесть пенсов и, подняв их, спросить ее, не ей ли принадлежат эти монеты.

– Не вы ли уронили шесть пенсов, которые я нашла? – проговорила служанка, подбирая деньги с лихорадочной дрожью.

– Дитя мое, – ответила Натте, которая была уже к этому приготовлена, – я не потеряла шести пенсов, но и ты их не нашла. Впрочем, всеравно, я знаю, зачем ты пришла... Ты хочешь спросить меня, будут ли держать тебя хозяева «Золотого льва».

– Нет, – ответила испуганная девушка, – я хочу спросить вас о моей судьбе.

– Покажи мне твою руку, милая девушка, и по ней я тебе скажу. А, ты родилась в Англии, отец твой умер, мать в услужении, брат твой матрос и теперь на море в Западной Индии. Ты...

Когда служанка все это услышала, то так испугалась, что с нею сделался обморок, и Тимофей потащил ее домой. Она принесена была в трактир, и когда оправилась, то рассказала эту историю домашним, те – знакомым и так далее. Новое приключение во славу нашей пророчицы разнеслось по всему городу.

Я, в свою очередь, старался настроить хозяйку, чтобы она сходила к Натте, но никак не мог ее уговорить. Вообще у нас была куча посетителей, которым Натте, наконец, не хотела отказывать и удовлетворяла их сведениями, полученными от нас. Она говорила им только о прошедшем, потому что ни сама, ни ее агенты не знали будущего, денег от них она также не брала. Многие приходили к ней по нескольку раз, желая узнать будущее, для чего рассказывали ей подробно свою жизнь, к чему она сама их побуждала, говоря, что они этим средством могут только возбудить в ней дух предсказания, который она обращает на общую пользу. Мне кажется удивительным, отчего Мельхиор не хотел, чтобы Натте брала деньги, которых бы она получила кучу; но он все это делал, чтобы еще более выручить.

Однажды утром, после пятнадцатидневного пребывания в городе, Натте исчезла с двумя своими палатками; и трава, утоптанная посетителями, могла подняться и расти. Мы также уехали и пристали опять к цыганам, где оставались около двух недель, чтобы дать время успокоиться всеобщему желанию узнать свою будущность.

По прошествии этого срока Мельхиор, Тимофей и я опять отправились в город, переодетые в другие платья, и, остановившись в противоположной части города, в лучшем трактире, велели подать себе ужин, за которым у нас завязался разговор о чудесах цыганской королевы.

– Вздор, – сказал Мельхиор, – она ничего не знает, я о ней слышал. Но вот по этой дороге едет человек, и если случится, что он остановится в этом городе, то-то удивит вас своими знаниями. Его зовут великий Аристодем. Он знает и настоящее, и будущее, и прошедшее и никогда не смотрит в руку, а всегда прямо в лицо, и беда, кто ему солжет.

Но, несмотря на это, он вежлив и готов сказать каждому, что с ним случится. Предсказания его всегда сбывались. Говорят, что он уже прожил сто лет и волосы его белы, как серебро.

Многие слушатели в этом сомневались и выхваляли цыганку.

– Все, что я еще могу сказать вам, – ответил Мельхиор, – так это то, что, заплатив ему две гинеи, я узнал о наследстве в шестьсот фунтов, которых бы не получил, не зная о них.

Три дня провели мы в трактире, рассказывая каждому о чудесах великого Аристодема, и успели воспламенить любопытство публики. Наконец Мельхиор сказал, что настало время великих предвещаний.

Глава XIII

Вскоре мы отправились в другой город, некогда известный мануфактурами, и которого большая часть народонаселения жила или доходами с имений предков, или приобретенными. Тимофей, одетый в черное платье, с серебряной цепочкой на шее, был посажен верхом на лошадь и отослан вперед; ему приказано было ехать до города потихоньку, а там уже скакать во всю прыть, остановиться в самом лучшем трактире и приготовить комнаты великому Аристодему, который должен приехать через полчаса.

Все в этом свете зависит от наружности, а потому все желающие знать великого Аристодема окружили Тимофея и засыпали его вопросами. Он отвечал им очень умеренно, воспламеняя воображение их чудными рассказами о своем господине, который вскоре на четверке лихих лошадей с шумом подъехал к своей квартире. Из окон всех домов глядели на важный его приезд. Мальчишки хотели было отворить ему двери, но Тимофей оттолкнул их как недостойных обслуживать такому великому человеку, и сам помог ему выйти из торжественной колесницы. Мельхиор явился одетый в длинное шелковое платье, в седом парике, которого длинные волосы падали по плечам; на голове у него была надета четырехугольная желтая шляпа, а на шее висело несколько золотых цепочек. Я шел за ним, одетый в платье германского студента и в парике темно-русого цвета. Продолжая свое шествие, мы встретили человека, который загородил нам путь.

– Посторонись, – сказал Аристодем повелительным голосом, – никто даром не заграждает мне путь.

Все окружающие смотрели на нас с удивлением. Наконец великий Аристодем вошел в свою комнату и запер дверь, я же пошел заплачивать извозчикам и заказать ужин, а Тимофей и дворник отправились вносить вещи, которых у нас было очень много.

– Господин мой никого не хочет видеть, – сказал я хозяину, – и завтра же едет далее, если получит письма, которые ожидает; и потому избавьте его от хлопот. Он очень устал, проехав сегодня около ста пятидесяти миль.

Когда мы с Тимофеем все это исполнили, то пошли в комнату Мельхиора.

– Все идет хорошо. До сих пор мы истратили много денег и времени, теперь постараемся возвратить их: с барышом, – сказал он. – После обеда, Иафет, сходите к хозяину, расспросите у него о бедняках здешнего юрода и скажите, что я очень великодушен и люблю им помогать. Также прибавьте, что деньги, которые я получаю моими занятиями, я отдаю бедным, не имея в них нужды.

К вечеру я исполнил его поручения; ночь мы провели в отдельных комнатах, вынудив из предосторожности из замков ключи.

На следующее утро... но читатели могут догадаться сами, что письма не были принесены, и я отправился к: хозяину сказать ему, что мы еще останемся, ожидая писем. Хозяин нарекнул мне, что многие хотят посоветоваться с моим господином; я ответил, что поговорю с ним, замечая при этом, чтобы он предварил желающих советовать, что они должны будут давать за советы золото или совсем ничего. Несколько минут спустя я объявил, что великий Аристодем согласился дать аудиенцию безденежно. У нас были всевозможные припасы для большего эффекта, но мы рассудили, что на первый раз простота будет лучше. Потому и положено было, чтобы Мельхиор сидел у стола, покрытого черным сукном, вышитым различными фигурами; перед ним должна была лежать книга с иероглифами и возле нее – костяная палочка с золотым наконечником. Тимофей стоял у дверей с коротенькой римской шпагой, привязанной на кушаке, а я – в почтительном положении за великим Аристодемом.

Первая особа, допущенная на аудиенцию, была жена городского мэра. Ничего не могло быть для нас лучше, потому что мы получили все нужные сведения как о ней, так и о ее супруге,

а известно, что жены должностных людей всегда говорят много. Мельхиор сделал знак рукой, и я принес стул, прося ее садиться. Великий Аристокдем молча посмотрел на ее лицо, потом, перевернув несколько листков в книге судеб и остановившись на одном из них и посмотрев со вниманием, сказал ей:

– Что хочешь ты узнать от меня? Она вздрогнула и побледнела.

– Я хотела бы спросить... – начала она.

– Знаю, ты хотела бы спросить, имею ли я время тебя слушать? Между прочим, первой твоей мыслью было: есть ли надежда, что муж твой будет иметь наследника от тебя. Не правда ли?

– Правда, – ответила дама, собравшись с духом.

– Я это вижу по моей книге; но позволь тебя спросить: как хочешь ты, чтобы благословение Божие сошло на тебя, если ты не делаешь ничего доброго? Ты и муж твой – оба богаты; но что вы сделали хорошего с этим богатством? Великодушны ли вы? Нет. Давай другим, и Бог тебе даст.

Аристокдем махнул рукой, и дама поднялась со стула, чтобы выйти вон. Она держала в одной руке гинею, а в другой кошелек, из которого вынула все и положила на стол.

– Хорошо, благодарения твои будут за тебя ходатайствовать. Артольф, вели эти деньги раздать бедным.

Я поклонился и, не говоря ни слова, взял пять гиней.

– Кто может сказать, что я не делаю ничего доброго? – заметил Мельхиор улыбаясь, когда дама вышла. – Скупость этой почтенной четы так же хорошо известна, как и желание их иметь детей... Если урок мой сделает ее благотворительной, то не услуга ли это?

– Но вы ей подали надежду, и если эта надежда ее обманет, то она может прийти в отчаяние и тем погубить себя и своего мужа.

– О, если б случилось с нею последнее, то отчаяние ее прошло бы вмиг.

– Ну, этому-то я не так верю, – ответил я... – Но, кажется, кто-то стучится.

В эту минуту вошла другая дама, которая сильно изумилась, увидев наружность и одежду великого Аристокдема, и хотела было уйти назад. Но Тимофей уже запер двери, и ей невозможно было ускользнуть.

Она привела нас в замешательство, потому что мы не имели о ней никаких сведений. Между тем Мельхиор перестал глядеть в книгу и начал объясняться с нею. Дрожащим голосом дама сказала ему, что овдовела и имеет только одного сына, которым живет, что он теперь на море и она уже давно не слыхала о нем и боится, не случилось ли с ним какого несчастья; она говорила ему также о своей бедности и предлагала кольцо – единственное свое богатство.

– Можете ли вы мне сказать, жив ли он? – говорила она, заливаясь слезами. – Но если вы этого не знаете, то не отнимайте у несчастной единственное ее богатство и отпустите меня.

– Как давно получили вы последнее письмо от него? – спросил Мельхиор.

– Семь месяцев уже; и оно было писано из Бахии, – ответила она, вынимая письмо из ридикюля и закрывая лицо свое платком.

Мельхиор украдкой заметил ее адрес и ответил ей:

– Мистрисс Ватсон...

– Боже мой, разве вы знаете мою фамилию? – вскрикнула женщина. – Но вот письмо, прочтите его...

– Мне оно не нужно, мистрисс Ватсон, я знаю содержание его. – Он перевернул несколько листков своей книги и стал со вниманием рассматривать последний.

– Сын ваш жив, – объявил он.

– Слава Богу! – вскрикнула она, подняв руки и уронив ридикюль.

– Но вы не должны его скоро ожидать, он на выгодной службе.

– Это мне все равно. Он жив – вот что я хотела знать. Бог да благословит вас!

Мельхиор шепнул мне несколько слов на ухо, когда вдова закрыла свои глаза платком, и я, взяв пять гиней, сунул их в ридикюль ей так, что она не заметила.

– Вы можете уйти, сударыня, другие тоже нуждаются в моих услугах.

Бедная женщина встала и предложила кольцо.

– Нет-нет! Мне не нужно ваших денег, я беру только с богатых, и то, чтобы раздавать бедным, но не отнимаю последнего у несчастных вдов. Откройте ваш ридикюль.

Вдова исполнила приказание; Мельхиор положил ей туда кольцо, потом взял палочку, махнул по воздуху и, дотронувшись ею до ридикюля, сказал:

– Ищите и обрящете.

Женщина вышла из комнаты, заливаясь слезами благодарности; правду сказать, я сам чуть было не заплакал и заметил Мельхиору, что он до сих пор трудился даром.

– Да, Иафет; но будь уверен, что я помог этой женщине не из барыша, а из сострадания к ней, говорю тебе откровенно. Все люди – смесь добра и зла. Но я ворую только у глупых, а не у бедных.

– Но вы ей сказали, что сын ее жив.

– Правда, что он, может быть, и умер, но утешать людей во всяком случае добро и успокаивать их, хотя на короткое время, есть благодеяние, потому что неизвестность хуже самой известной смерти.

Поступок Мельхиора был награжден; вдова не могла опомниться от удивления, найдя золото в своем ридикюле. Она всех уверяла, думая что ее уверения были совершенно справедливы), что не выпускала из рук ридикюля, а что великий Аристодем дотронулся до него только палочкой, и то слегка.

В городе ни о чем более не говорили, как о чудесах Мельхиора. На следующий день, к довершению чуда, Ватсон получила письмо от сына со значительной суммой денег. Благодарная женщина прислала на другой день десять гиней, желая тысячи благ великому Аристодему и считая его почти святым. Приключение это было очень счастливо для нас, и, как Мельхиор говорил, теперь только начался настоящий доход. В четыре дня мы добыли двести фунтов стерлингов и, полагая, что время ехать, объявили хозяину о получении писем и с шумом оставили город, провожаемые толпой, через которую с трудом пробрались.

Глава XIV

Мы взяли лошадей до следующего города; но только что отъехали несколько миль, я остановил мальчиков, правивших лошадьми, и сказал им, что великий Аристомед нынешнюю ночь хочет наблюдать планеты, для чего они и должны ехать по пути, на который я им укажу. Мальчики, слышавшие об его славе, без отговорок повернули к назначенному месту. Приехав туда, мы вынули из экипажа все наши вещи и в присутствии этих же мальчиков раскладывали их, как будто бы для астрономических наблюдений. Потом, заплатив за провоз, я велел им вернуться назад, чем они и были очень довольны. Когда экипаж уехал, то мы, переодевшись в обыкновенные наши платья, попрятали в кустарники все вещи, за которыми прислали на следующий день, и возвратились к своим цыганам, которые были от нас милях в двух. Нас встретили с большой радостью, в особенности Натте и Флита.

Я говорил прежде, и читатель сам, я думаю, заметил уже из моего рассказа, что Мельхиор был человек не совсем обыкновенный. С каждым днем я более и более к нему привязывался, и наша кочующая жизнь мне чрезвычайно понравилась. Предрассудки, гнездившиеся во мне, постепенно исчезали. Иногда вспоминал я первоначальную цель моего путешествия, но обыкновенно утешал себя мыслью, что остается еще много времени. Когда мы кочевали в поле, Флита была беспрестанно со мной; я учил ее читать и писать.

– Иафет, – сказал мне раз Тимофей, когда мы рубили орешник в лесу для топки и приготовления пищи, – я не вижу, чтобы твои розыски отца подавались вперед.

– Это правда, Тимофей, но зато я приобретаю познания *житейские*, которые мне очень помогут в этих розысках, и, что еще важнее, я выручаю деньги, с которыми надежнее могу пуститься в дальнейшие предприятия.

– Сколько дал тебе Мельхиор после нашего отъезда?

– Двадцать гиней, что с прежними составляет более пятидесяти.

– А мне дал десять, следовательно, у нас теперь значительная сумма, почти семьдесят гиней.

– Да, не так-то скоро можно ее истратить. Но мы должны еще поработать. Потом же, я не могу оставить эту девочку, которая создана совсем не для фиглярства.

– Очень рад, Иафет, слышать это от тебя; я того же мнения, и она должна разделить нашу участь.

– Славная будущность! – сказал я смеясь. – Но все лучше, нежели здесь оставаться... Только как бы уладить все это?

– В том-то и дело. Но еще есть время подумать... Мы можем исполнить наши планы не прежде, как оставив теперешнее занятие.

– Суля по словам Мельхиора, мы, кажется, скоро опять отправимся в путь.

– А чем, не знаешь ли, Иафет, мы теперь будем заниматься?

– Мы примемся за прежнее ремесло; будем лечить ото всех недугов в мире, и нам покажется, что мы опять в аптеке Кофагуса.

– Ну, я думаю, наделаем мы штук. Однако надеюсь, что Мельхиор не заставит меня изучать *начала* моей профессии. Это ведь не шутка!..

– О, без сомнения! Для таких глупостей держат Нума, без чего он не был бы никуда годен.

Следующая неделя была проведена нами в приготовлениях к ожидаемой экспедиции; мы наполняли коробочки пилюлями, наливали микстуры в склянки разной величины, которые большей частью все состояли из спирта. Склянки эти мы закупоривали и укладывали в походные ящики.

Джумбо и Флита были оставлены. Мельхиор, я, Нум и Тимофей отправились пешком, неся свое платье в узелках. Но на Нума еще навешали разных вещей, как на выючную лошадь... Он беспрестанно жаловался, говоря:

– Не можете ли вы нести чего-нибудь?

– Нет, – отвечал я, – это ваша ноша; каждый должен нести свое.

– Ну, я никогда не думал, чтобы это было так тяжело. Да куда мы идем?

– Недалеко, – говорил Тимофей, – а там уж тебе нечего будет делать.

– Не думаю, для хозяина я весьма нужен. Со мной дела его идут успешно. По правде, как в умственных занятиях, так и в ноше я переношу ужасный труд.

– Это хорошо для вашего здоровья, Нум.

– И то хорошо, – ответил бедняга, – только немного жарко.

Глава XV

К счастью Нума, мы были недалеко от города, в котором хотели открыть новую нашу отрасль промышленности, к чему и приступили на следующее же утро. Нум шел с трубкой в руке, а Тимофей ехал верхом на осле. Когда мы пришли на городскую площадь, то Нум начал трубить изо всей силы, а Тимофей в пестром одеянии привстал на седле и проговорил следующую речь:

– Милостивые государи и государыни, имею честь известить вас о прибытии в этот город знаменитого доктора Аппаллашеосмокометика, который путешествовал далее солнца и притом скорее кометы. Он был во всех частях света; курил калюмет² с дикими индейцами Канады; ездил на охоту с Арауками в средней Америке; скакал на диких лошадях по долинам Мексики. Красил нос с эскимосами и наклеил нос великому хану татарскому. Был и при дворах Европы. Плясал с русскими на невском льду, танцевал мазурку с поляками, вальс с германцами, тарантеллу с итальянцами, фанданго с испанцами и кадрили с французами. Рылся во всех архивах вселенной, проходил по всем частям твердой земли, исследовал все горы в свете; прошел через Анды, поднимался на высоты Пиринеев, спускался в недра Везувия и был оттуда выброшен через Стромболи. Он живет более тысячи лет, и все еще в цвете юности, у него сто сорок раз выпадали зубы и к Рождеству всегда новые вырастали. Всю жизнь свою он употреблял на пользу человечества, принося добро своим собратьям и, имея опытность более тысячетлетней, леча от тысячи недугов. Господа, этот удивительный доктор представится вам сегодня вечером и скажет, в каких случаях должно употреблять какие лекарства. Для прекрасного же вашего пола, милостивые государыни, великий доктор обладает редкими лекарствами ото всех ваших болезней. Он имеет порошки, от которых у вас будут дети, если вы захотите... Напиток, от которого мужья сделаются к вам привязаны... Опиум, который ослепит их во время ваших любовных походов. У него также есть средства уничтожить морщины и восстановить юность; эликсир, прекращающий крики детей... Труби, Филотас, труби, чтобы все знали, что знаменитому доктору Аппаллашеосмокометику угодно остановиться в этом городе, чтобы вылечить всех жителей.

Тут Нум опять начал трубить до тех пор, пока все лицо его не почернело от усилия, а Тимофей, повернув своего осла, поехал в другие части города, преследуемым толпой оборванных мальчишек, чтобы повторять свою высокопарную речь.

Около четырех часов пополудни Мельхиор явился на торговую площадь. Я шел сзади него в платье германского студента, а Тимофей и Нум были в прежних своих костюмах. Здесь мы соорудили что-то в виде сцены, вокруг которой собралось ужасное множество народа с намерением скорее позабавиться, нежели покупать.

Когда все товары были разложены, то я стал с одной стороны Мельхиора, Тимофей – с другой, а Нум со своей трубой – сзади нас.

– Труби, Филотас! – сказал Мельхиор, надевая треугольную шляпу и кланяясь под звуки резкого инструмента.

– Прошу покорно сказать, мистер музыкант, зачем вы трубите?

– Не знаю, – ответил безумный, выпучив свои глаза.

– Какой глупый ответ! Мистер Дионисиус!.. Не знаете ли вы для чего?

– Да, сударь, я догадываюсь.

– Растолкуйте же всем леди и джентльменам, которые удостоили нас своим присутствием.

– Труба есть предвестница торжества великих победоносцев, – ответил Тимофей.

– Справедливо, сударь! Но разве я великий победоносец?

² Трубка у краснокожих индейцев.

– Вы побеждаете смерть, а это самая трудная победа.

– Дионисиус, за ваш благоразумный ответ вы будете награждены, – сказал ему шепотом Мельхиор, – не забудьте только за ужином мне напомнить об этом.

– Не забуду, будьте уверены, – ответил Тимофей, поглаживая свое туловище с самодовольной улыбкой.

– Милостивые государи и государыни, – продолжал Мельхиор, обращаясь к публике, – я вижу, что у всех вас рты разинуты, и вы ожидаете пилюль; но будьте терпеливее, я не иначе даю мои лекарства, как увидев болезни, которые бы требовали действительной помощи. В самом деле, я был бы плохой доктор, если б стал лечить, не зная, чем вы страдаете. «Est nentrale genus signans rem non animatam», – сказал Геродот, это значит, что одному помогает то, что для другого яд, а потому осторожность есть самая нужная вещь в медицине, и моя репутация пострадает, если я дам что-нибудь вредное.

Теперь, друзья, заметьте, какие свойства имеет вещество, находящееся в этой склянке. Вы видите, что в ней не более шестидесяти капель, но эти шестьдесят капель могут прибавить десять лет жизни и вылечить столько же болезней Во-первых, они вылечивают *водную*, которую знаменитый Гален разделяет на три рода: на *ascites*, *anasarca* и *tympanites*. Диагностические же свойства, или признаки, этой болезни: опухоль, вспучивание или надутость живота, трудность дыхания, недостаток аппетита и нестерпимый кашель. Спрашиваю: не страдает ли кто-нибудь водянкою? Никто?.. Слава Богу!

Во-вторых, оно употребляется для лечения перевнемония, или воспаления в легких. Свойства этой болезни: ослабление пульса, опухоль в глазах и краснота в лице. Не подвержен ли кто-нибудь этим признакам?.. Никто? Слава Богу!..

Но это же несравненное лекарство служит и от поноса, признаки которого: ослабление тела, частые колики, холодный пот...

В эту минуту подошли несколько человек, и один из них пожаловался на колику, другой – ослабление тела, а двое или трое говорили, что подвержены холодному поту.

– Хорошо, благодарю небо, что я сам могу вам помочь. Гиппократ говорит: «*Re tivum cum antecedente concordat*», что значит: «Лекарства, употребляемые в начале болезни, уничтожают ее еще при самом зарождении». Вот, друзья, баночки благодетельного лекарства; берите, берите их, вы мне заплатите за все только шиллинг и будете довольны. Когда вы станете ложиться спать, то не забудьте вознести благодарности Всевышнему за такое чудное средство, которое одной каплей излечивает такое множество болезней. Кроме сказанных мною оно излечивает еще: *ronagra*, *chiragra*, *omagra* и *lumbago*, то есть оно уничтожает боль в коленях, руках, локтях, плечах и спине. Словом, удивительно полезно во всех означенных болезнях. Старайтесь сохранить этот эликсир на целый ваш век; придет старость, и у вас под рукой будет средство излечиваться ото всех недугов... о... как тогда вы будете благодарить себя, что не пожалели шиллинга.

После этого воззвания число больных и ожидающих болезней до того увеличилось, что все наши склянки были разобраны, и доктор обещал через несколько дней доставить им еще этого бесценного лекарства.

– Милостивые государи и государыни, – продолжал он. – Теперь я предложу вам знаменитый пластырь, действия которого удивительны... Подойдите сюда Дионисиус; так как вы имели случай испытать благодетельный этот пластырь, то расскажите почтеннейшей публике, каким образом он вам помог.

Тимофей выступил вперед.

– Милостивые государи и государыни, – сказал он, – клянусь честью, что буду говорить правду. Три недели тому назад я упал с лестницы и переломил спину на три части. Меня снесли к хирургу, который, видя, что нет никакой надежды на излечение, велел снять с меня мерку для гроба... Великий же наш доктор был тогда в отсуствии, на консультации королевы, у

которой антонов огонь на большом пальце правой ноги; к счастью, что великий доктор поспел вовремя. Меня уже укладывали в ящик вечности, как вдруг явился мой хозяин, приложил к моей спине вот этот пластырь, и в пять дней я уже сидел, а через десять принялся за прежнюю мою должность.

- Совершенно ли вы теперь здоровы, Дионисиус?
- Совершенно, и моя спина теперь крепче китовой.
- Докажите же это на деле.
- Извольте.

И Дионисиус перекинулся вперед и назад, потом, пройдя по платформе на руках, кувыркнулся во все стороны.

– Вы видите, господа, что я совершенно здоров, и что сказал, то могу подтвердить еще честным словом.

– Согласитесь, господа, что надобно много искусства, чтобы вылечить от такой болезни, – прибавил доктор, адресуясь к окружающей толпе. – Теперь нет нужды говорить, что этот пластырь также целителен ото всех ушибов, контузий, вывихов членов и прочее. Вас может удивить также малая цена его: кусочек стоит восемь пенсов.

Пластырь был скоро раскуплен, и Мельхиор стал описывать другие неоценимые лекарства, а когда дошел до косметических вещей для дам, то мы не успевали их даже раздавать.

– Теперь, – сказал доктор, – я должен с вами проститься.

– Очень рад, – сказал Тимофей, – потому что буду продавать лекарства моего собственного изобретения.

– Вашего изобретения?.. Что вы хотите сказать этим?

– Хочу сказать, что у меня есть порошок чудесного свойства.

– От каких же это болезней?

– От блох. Он точно так же удовлетворяет своей дели, как и наши медицинские снадобья.

– Но как употреблять его?

– Я скажу это только тем, которые его купят. Тимофей взял порошок в руку и, обратясь к публике, проговорил:

– Милостивые государи и государыни, даю честное слово, что порошок мой будет иметь желательный успех. Я за него прошу только шесть пенсов.

– Но как с ним обходиться?

– Обходиться с ним точно так же, как и с другими порошками, но я не расскажу употребление его, пока не продам немного, обещая, однако, возратить деньги назад, если он будет негоден.

– Хорошо, Дионисиус, я постараюсь помочь вам сбыть его. Не желает ли кто купить порошок, уничтожающий блох?

– Я хочу, – ответил кто-то из толпы, – и вот вам, шесть пенсов. Расскажите теперь, как мне употреблять его?

– Как употреблять? – сказал Тимофей, кладя шесть пенсов в карман. – Вы должны сперва поймать блоху, потом нежно сжать ее двумя пальцами левой руки, именно: большим и указательным, и так, чтобы она открыла рот, потом положить ей туда немного этого порошка, и блоха сейчас же умрет.

– Да если уж я поймал блоху, то и без порошка могу ее убить.

– Совершенно справедливо, но это не значит еще, чтобы мой порошок не имел никакого действия.

Ответ и рецепт Тимофея заставил всех присутствующих громко засмеяться. Работа наша в этот день увенчалась совершенным успехом.

После четырехдневного пребывания в этом городе мы отправились далее, имея везде такой же успех, но зато я с Тимофеем должен был просиживать целые ночи, делая пилюли и

микстуру. Мельхиора часто не было с нами, потому что, как он говорил, был занят другими делами, почему и предоставлял раздачу целебных лекарств своим ученикам, которые также хорошо знали свое дело. Наружность моя производила большое влияние, особливо на дам. Тимофей также много способствовал выгодам хозяина, и мы таким образом всякий день значительно увеличивали капитал Мельхиора. Впоследствии наш великий доктор показывался только не более, как на полчаса, остальное же время дня, по его словам, употреблял он на лечение больных и нас рекомендовал как людей, на которых мог положиться в исполнении его важной должности. Через шесть недель мы возвратились к цыганам, которые и на этот раз были недалеко.

Глава XVI

Выручка Мельхиора была гораздо значительнее, нежели он ожидал, отчего он очень щедро наградил меня с Тимофеем. Видя, как я ему необходим, он с каждым днем более и более выказывал мне свою приязнь. Я был весьма рад прибытию нашему на место, потому что так устал от беспрестанных хлопот, сопровождавших наши занятия, что отдых мне казался блаженством.

Маленькая Флита с восторгом бросалась в мои объятия, а Натте с обыкновенною важностью сказала мне, что ей приятно видеть меня дома.

– Дома! – подумал я. – Ни у меня, ни у бедной Флиты нет здесь постоянного жилища. Эти палатки – только временный наш приют.

Таким образом около года занимались мы нашим ремеслом. Однажды я сидел возле моей палатки с книгой в руках. Явился какой-то цыган, не принадлежащий к нашей партии. Пыль, облепившая его с ног до головы, и пот, капавший с лица, доказывали, что он ехал торопливо; увидев Натте, которая сидела возле меня, он сказал ей что-то на их языке, для меня непонятном, но я догадался, в чем дело: он спрашивал Мельхиора. После нескольких слов лицо Натте переменилось, она как будто чего-то испугалась, закрылась руками, по тотчас же отняла их, боясь унижить свой сан, и, наконец, впала в глубокую задумчивость. В это время Мельхиор подходил к нам; цыган, заметив его, поспешил к нему навстречу. Между ними скоро завязался жаркий разговор, продолжавшийся около десяти минут, после которого незнакомец тотчас же уехал. Когда Мельхиор увидел, что цыган скрылся из вида, то медленно подошел к нам и устремил свои глаза на Натте, которая печально глядела на него, скрестив на груди руки в знак покорности. Она тихим голосом сказала ему, выбрав текст Святого Писания:

– Куда ты пойдешь, туда и я; народ твой будет моим народом, и Бог твой – моим Богом. Потом она отошла и села в отдалении.

– Иафет, – сказал мне Мельхиор, – не удивляйтесь тому, что я скажу вам. Я доверял вам все, что только можно было доверить, но есть вещи, которые необходимо хранить в тайне, заключить в груди своей, и эту тайну можно передать только той, которая соединена с нами вечными узами. Мы теперь должны расстаться, даже все наши товарищи должны нас оставить и пристать к какой-нибудь другой партии цыган. Меня выуже больше не увидите. Не спрашивайте причин, я не могу объявить их.

– А Натте? – сказал я.

– Она будет делить мою участь, как бы горька ни была она; но с вами что станется?

– О себе я не забочусь; свет велик. Без вас я не останусь с цыганами. Но позвольте спросить: что сделаете вы с Флитой? Останется ли она с этим народом, которому не принадлежит, или вы возьмете ее с собой?

Мельхиор, немного подумав, спросил:

– Отчего так интересуется вас солдатская дочь?

– Предполагая даже, что она и солдатская дочь, Мельхиор, я к ней так привязан, что мне жалко было бы видеть ее здесь с цыганами; но я уверен, что вы говорите неправду об ее происхождении, потому что она рассказывала мне много подробностей из ее детства, которые доказывают, что она не низкого происхождения.

– Я не ожидал, что у нее такая память, – ответил Мельхиор, стиснув зубы. – Но отчего она ни мне, ни Натте никогда ничего не говорила?

– Это так же понятно, как и то, что она украдена, и, я думаю, ей незачем здесь оставаться.

– Конечно, незачем.

– Итак, когда вы отправитесь, то не будете иметь влияния на ваш табор, а следовательно, нет никакой причины оставаться ей здесь. Предоставьте лучше ее воле избрать себе дорогу,

и если она согласится следовать за мною, то ничто не остановит меня исполнить ее желание. Этим поступком, мне кажется, я и вам не сделаю ничего неприятного.

– Почему вы знаете? Да притом, что заставляет вас вмешиваться в судьбу ребенка, совершенно вам чужого?

– На это я отвечу вам вашим же вопросом: что заставляет вас принимать такое участие в солдатском ребенке?

Мельхиор смешался.

– Признаться вам, Иафет, Флита не солдатская дочь. Она украдена, но из этого не должно заключать, что она была украдена мною или моей женой.

– В этом я никогда не сомневался, и оттого-то я и удивляюсь вашей к ней привязанности. Если она пожелает с вами остаться, то мне и говорить нечего; в противном же случае, я возьму ее с собой, невзирая ни на какие возражения.

– Иафет, – ответил Мельхиор, – мы жили друзьями более года и должны расстаться друзьями. Через полчаса я вам отвечу.

Мельхиор подошел к Натте и начал разговаривать с ней, а я пошел к Флите.

– Флита, знаешь ли, что Мельхиор и Натте оставляют цыган?

– В самом деле? – ответила она с удивлением. – Куда же вы с Тимофеем денетесь?

– Мы должны искать счастья в другом месте.

– А я, – продолжала она, смотря на меня пристально голубыми своими глазами, – должна ли я здесь остаться?

– Если ты хочешь быть со мной, Флита, то я готов употребить для того все средства, готов даже рассориться с Мельхиором.

– Хочу ли я, Иафет, ты сам знаешь. Никто на свете не был еще ко мне так ласков, как ты; не оставляй меня, пожалуйста.

– Никогда, Флита, только обещай мне делать то, о чем я попрошу тебя.

– Исполнить твое желание я почту за величайшее удовольствие, а потому заранее на все согласна. В чем дело?

– Я сам еще не знаю ничего, но Мельхиор сказал мне, что он и Натте навсегда расстанутся с цыганами.

Флита посмотрела вокруг, чтобы увериться, не было ли кого возле нас, и потом шепотом сказала мне:

– Я понимаю немного язык их, Иафет, но они этого не знают. Я все слышала, что говорил цыган Натте, хотя они были в нескольких шагах от нас... Он спросил: «Где Мельхиор?», а на вопрос ее: «Для чего он ему нужен?», ответил: «Он умер!» Натте закрыла лицо свое; остального я не слыхала, но они говорили еще что-то о лошадях.

«Он умер!» Что это значит? Разве Мельхиор сделал какое-нибудь преступление и принужден теперь бежать? Это предположение казалось мне самым верным, когда я начинал припоминать минувшее происшествие, но все еще сомневался, потому что во всех действиях его я видел только обман, но ничего преступного. Напротив того, он был добр, великодушен во всех своих поступках, и жизнь его была для меня загадкой. Он обыкновенно обманывал всех без совести, переодетый; но в своей палатке он был честен во всем, исключая рассказы про жизнь и родство Флиты. Я перебирал в своей голове все прошлые его действия, но тут Мельхиор опять подошел ко мне и, велев Флите удалиться, сказал мне:

– Иафет, я согласен на ваше требование, только с условием.

– С каким?

– Во-первых, Иафет, так как вы были всегда со мной откровенны, то скажите: намерены ли вы продолжать ремесло, которому я научил вас?

– Если вы желаете знать правду, Мельхиор, то уверяю вас, что я никогда не возьмусь за ваши занятия, разве только в крайней нужде. Мое единственное желание – отыскать своего отца.

– Но если нужда заставит вас, то Флита будет ли в них действующим лицом? Словом сказать: не берете ли вы ее из видов похоти или корыстолюбия, чтобы после, достигнув своей цели, бросить ее на произвол порока и бесчестия?

– Удивляюсь этому вопросу, Мельхиор. В первый раз вы так несправедливы ко мне. Но если я когда-нибудь принужден буду заниматься вашим ремеслом, то поверьте, что Флита в нем никогда не будет участвовать. Лучше желал бы видеть ее в гробу, нежели в пороке и бесчестии. И, чтобы удалить ее от общества, в котором она никогда не должна быть, я беру ее с собой.

– И вы можете дать в этом честное слово?

– Могу. Я люблю ее, как сестру, и надеюсь, отыскивая моего отца, помочь и ей отыскать своего.

– Но я должен с вас взять еще одно обещание: вы меня будете уведомлять каждые шесть месяцев о себе и о состоянии и здоровье Флиты по адресу, который я вам буду присылать.

– Согласен. Но из-за чего вы стали принимать в этой девочке такое сильное участие?

– Очень рад, что вы так думаете, но не старайтесь узнать причин. Не надобно ли вам денег на ее содержание?

– Без нужды я не стану прибегать к вашим деньгам, но мне весьма приятно слышать, что в крайности вы будете ее другом и поможете ее несчастью.

– Не забудьте, что вы можете получить все необходимое для нее по адресу, который я оставляю вам при нашей разлуке. Значит – решено!

Тимофей отсутствовал в продолжение моего разговора с Мельхиором, когда же он возвратился, я сообщил ему обо всех наших условиях.

– Да, Иафет, я не знаю, что и сказать тебе. Теперешняя наша жизнь мне наскучила, и я не буду сожалеть о перемене ее. Но что мы будем делать?

– Об этом надобно подумать... К счастью, мы накопили довольно денег, станем только поберегать их.

В последний раз мы ужинали вместе, и Мельхиор назначил свой отъезд на следующий день. Натте была очень печальна, но вместе с тем видно было, что она покорила своей судьбе; напротив того, Флита была очень весела, и лицо ее, обыкновенно грустное, теперь улыбалось. Каждый раз она радовалась, что не будет более плясать на веревке, и веселость ее доставляла мне неизъяснимое удовольствие. Все цыгане разошлись по местам. Мельхиор в своей палатке занимался приготовлением к отъезду, а я, мечтая о своей будущности, не мог уснуть и стал прохаживаться возле своей. Ночь была лунная, звезды ярко сияли на небе, всюду было тихо, и мысли о перемене моего быта невольно теснились в сердце. Раздумавшись, я нечаянно взглянул перед собой и увидел Натте, идущую прямо ко мне.

– Иафет, – сказала она, – вы берете Флиту, берегите ее. Мою душу упрекнет совесть, если она будет оставлена на произвол судьбы. Радостно она расстается с нами, но не перемените эту радость в слезы; мне жалко покидать ее, но я должна оставить и ее, и мой народ, и родных, и привычки мои, и мою власть – это судьба моя. Она доброе дитя, Иафет, обещайте мне быть ее другом, и пускай вот это будет воспоминанием обо мне.

Тут она подала мне что-то завернутое в бумагу и продолжала:

– Иафет, не показывайте этого Мельхиору, может быть, ему не понравится, что я это отдала вам.

Я взял бумагу, в которую был завернут подарок, и обещал все, что она требовала. Это было последнее наше свидание.

На следующий день Мельхиор был уже готов к отъезду. Все его имущество уложилось в два маленькие узелка; он и Натте простились с цыганами, которые целовали им руки и которым

были розданы палатки и все их принадлежности. Джумбо и Нум были сданы на руки Двум важнейшим семействам этого народа, а Тимофей, Флита и я приготовились также к отъезду и ждали только отправления Мельхиора, чтобы вслед за ним отправиться в путь.

– Иафет, – сказал мне Мельхиор, – я вам и Тимофею должен еще за последнее наше путешествие. Вот вам долг мой. Я знаю, что у вас с ним общий счет. Прощайте, желаю вам счастья.

Мы простились с Натте и Мельхиором. Флита подошла к первой, положила накрест руки и поклонилась ей. Натте поцеловала ее робко и потом подвела к Мельхиору; он наклонился тоже, чтобы поцеловать ее в лоб, и я видел, как он старался скрыть свои чувства, похожие на отцовские. Флита заплакала, освободившись. Так как дороги наши были в разные стороны, то мы и разошлись, пожелав друг другу счастливого пути.

Глава XVII

Я вел за руку плакавшую Флиту, и таким образом мы шли некоторое время, не говоря ни слова, покуда не выбрались на большую дорогу, где Тимофей прервал наше молчание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.